

Виктория Цой

Когда я буду морем

Виктория Цой
Когда я буду морем

«Автор»

2023

Цой В.

Когда я буду морем / В. Цой — «Автор», 2023

История Леи Ким, главной героини романа, начинается в эпоху "железного занавеса". В то время судьба ее предков - корейцев, брошенных японцами после Второй мировой войны на острове Сахалин, была запретной темой. С началом перестройки жизнь Леи меняется, ее становление происходит на фоне масштабных перемен в стране. Взрослея, Лея понимает, почему в конфуцианстве семья считалась главной ценностью, осознает неразрывную связь со своими предками, и вновь, как и почти сто лет назад, переживает трагедию разделенных семей сахалинских корейцев. И узнает, наконец, почему ее дедушки и бабушки завещали развеять свой прах над морем...

© Цой В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
ЧАСТЬ I. ШКОЛА	7
Владимировка	7
Пельмени	12
Имприсинисты	14
Цыганка	19
Математика	21
Часть II. КАРАФУТО	24
Указ	24
Шахта	28
Ужин	32
Дорога домой	35
Возвращение	39
Мидзухо	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктория Цой

Когда я буду морем

Предисловие

Сахалин – часть суши, окруженная водой.

Похожий на большую рыбу остров протянулся с севера на юг на тысячу километров и отделен материка узким Татарским проливом.

Во времена царской России здесь была каторга. Лучшего расположения и пожелать было нельзя – окраина империи, безбрежное море вокруг. Первых ссыльных отправляли пешком через Сибирь, дорога порой занимала больше года. Корабли с арестантами встречали возвышающиеся из моря скалы «Три брата», похожие обратившихся в камни людей.

После отбытия срока каторжане оставались на Сахалине еще на десять лет, чтобы по замыслу царских чиновников превратить остров в процветающую колонию

Примером для удивительного эксперимента чиновникам служила далекая Австралия, чья английская колонизация считалась успешной.

Отбыв положенный срок, ссыльнопоселенцы получали звание «крестьянина из ссыльных», дававшее право уехать с ненавистного острова, но были и те, кто решал остаться. Вместе с военными и чиновниками они составляли свободное население села Владимировки – сегодняшнего Южно-Сахалинска.

Со временем на улицах села появились покрытые тесом избы, на отвоеванных у тайги маленьких огородах выращивались немудреные овощи, открылась первая школа.

Что может быть страшнее каторги? Только война.

После русско-японской войны был заключен Портсмутский мирный договор, и в 1905 году южный Сахалин стал частью Японии. Новому губернаторству дали звучное название «Карафуту», что на языке айнов, коренных жителей острова, значило – «Земля бога устья», а село Владимировка было переименовано в «Тойохару» – «Прекрасную долину».

С усердием японцы принялись осваивать новые земли. В Тойохаре появился первый водопровод, были построены фабрики по производству бумаги, мыла, свечей и прочих нужных товаров, и даже заработали три заводика по производству сакэ, столь необходимого простому человеку для ощущения полноты жизни.

Высокие строгие колонны и серые стены из монолитного бетона озаменовали надежность и стабильность колониального банка «Хоккайдо Такусеку», расположившегося на центральной улице города. Изящной постройкой в традиционном стиле «тэйкан дзукури» («императорская корона»), вознесся музей губернаторства Карафуту, напоминавший совершенством пропорций гравюры японских мастеров. Сейчас в этих зданиях располагаются сахалинские музеи.

К середине 1940-х годов, Тойохара из небольшого села превратилась в столицу губернаторства. Впечатляющее преображение Карафуту было невозможно без привозной рабочей силы. Япония не имела в ней недостатка. Тысячи корейцев были принудительно вывезены из Кореи, бывшей в то время японской колонией.

Молодых мужчин вербовали по плану мобилизации, в случае отказа семья вносилась в списки неблагонадежных. Часть корейцев была завербована обещаниями хороших заработков, по большей части это были неграмотные крестьяне, лишившиеся земли и обнищавшие после японской земельной реформы.

На Сахалине их ждал каторжный труд, нищета и голод, жестокие наказания за малейшую провинность, самым страшным из которых была «такобея» – лагерь принудительного труда. Живыми оттуда не выходили.

Победа СССР в Великой Отечественной войне в 1945 году положила конец японской колонизации Сахалина.

По соглашению между советским правительством и союзными державами в 1946 году была начата репатриация японцев. Около 400 тысяч японских подданных были вывезены в Японию.

Но сорок с лишним тысяч корейцев были брошены на Сахалине, и почти пятьдесят лет не имели никакой связи с родиной.

Мои дедушки и бабушки были одними из них. Они не знали русского языка, долгое время числились «лицами без гражданства» и тосковали по родине до конца своих дней.

Я родилась в СССР. Родители неохотно говорили об истории сахалинских корейцев, да и я не интересовалась. Лишь становясь старше, я стала понимать, как важно знать свои корни и каким непостижимым образом влияют на наши судьбы жизнь и опыт предков.

Я начала писать эту книгу, не имея никаких планов по ее публикации и даже не зная, смогу ли я ее закончить.

Оглядываясь на прошедшие три года работы над книгой, я понимаю, что все было не случайно: он–лайн курс литературной мастерской CWS, пройдя который я начала писать, участие в конкурсе корейской газеты «Сэ коре синмун» с рассказом «Дорога к бабушке», анонс литературной премии Олега Кузнецова, пересланный подругой, встречи и разговоры со многими людьми.

Это был непростой процесс, но захватывающий и приносящий настоящую радость.

Моих дедушек и бабушек давно нет в живых, но все это время незримо они были рядом со мной, поддерживая и направляя.

Они прожили тяжелую жизнь, трудились как каторжные, тосковали по Корее и мечтали о лучшей доле для своих детей и внуков на прекрасной земле, моей родине – острове Сахалин.

Им я посвящаю эту книгу.

Виктория Цой

Telegram: t.me/tsoi_victoria

Сахалинцам не нужно объяснять что такое кимчхи и тендянкук, но на всякий случай в конце имеется небольшой словарик.

ЧАСТЬ I. ШКОЛА

Владимировка

В школьной библиотеке было тихо и сумрачно, пахло старыми книгами и тушеной капустой. На подоконнике раскинуло жирные щупальца зеленое алоэ, похожее на большую морскую звезду.

Пожилая библиотекарша оторвалась от книги и спросила:

– А закрывать кто будет?

Невысокая худенькая девочка старательно прикрыла дверь, отбросила за спину заплетенные косички с бантами в горошек и подошла к столу, заваленному книгами.

– Здравствуйте. У вас есть «Остров Сахалин» Чехова?

Библиотекарша отложила книгу, сдвинула в сторону тарелку с надкусанным пирожком, поднялась и вскоре вернулась с потрепанной книгой в руках.

– Какой класс? – спросила она, протягивая руку к деревянным ящикам с формулярами. – Фамилия?

– Ким Лея, шестой «А».

– Выдаю на десять дней, – сказала библиотекарша и вписала во вкладыш дату – «до 20.05.79».

Дома Лея полистала синий томик – ничего похожего на чеховские смешные рассказы или хотя бы на жалостливую «Каптанку» в ней не было. Скучное описание длинной дороги, мрачные рассказы о тюрьмах и лазаретах, истории о людях, которых уже давным-давно нет. Она задержала взгляд на черно-белой фотографии приземистой простоволосой женщины в тюремном балахоне. Насупленные брови, глубоко посаженные небольшие глаза, руки скованы толстой цепью – и это знаменитая Сонька Золотая Ручка, в которую все были влюблены?

Дойдя до последней страницы, Лея обреченно вздохнула, достала из пенала ручку, раскрыла тетрадь и принялась за дело. Сначала вывела посередине строки: «Значение поездки А.П. Чехова на Сахалин» и с красной строки, отступив положенные два пальца от края, принялась строчить: «В своей замечательной книге «Остров Сахалин» великий русский писатель А.П. Чехов смело обличал ужасы царизма. Каторжане боролись за права трудящегося народа и за это были отправлены на долгие годы в ссылку...»

Через полчаса Лея закрыла тетрадь, взглянула на часы и заторопилась на улицу. Она быстро дошла до автобусной остановки. На деревянной скамейке чинно сидела пара бабулек, одетых, вопреки теплой погоде, в шерстяные кофты. Несколько человек бесцельно слонялось вдоль бордюра. Когда автобус, как всегда внезапно, показался из-за поворота, Лея прищурилась, чтобы разглядеть номер, а люди уже выстроились в ряд и, пытаясь угадать, где он притормозит, дружно затоптались вдоль края дороги, словно исполняли неведомый ритуальный танец.

Лея вежливо пропустила неожиданно прытких бабулек, рванувших наперегонки к открывшимся с лязганьем дверям, дородных женщин в ситцевых выцветших платьях, толкавших друг друга и переругивавшихся вполголоса, поднялась в салон по железным ступенькам и прошла к кассе. Шесть копеек со звоном провалились в узкую щель. Лея покрутила ребристое колесико под зорким взглядом сидящих пассажиров и оторвала билет. Серая бумага, красная рамка, черные цифры. Складываешь первые три и последние три цифры, и, если сумма совпадает, его нужно съесть, и тогда – быть удаче!

Как-то раз она съевала счастливый билет прямо в автобусе и, увидев перед собой контролершу, только и смогла растерянно сказать: «Я съела билет». Тетка нахмурилась, толстые

пальцы с облупившимся красным лаком зачем-то полезли в потрепанную клеенчатую сумку со свешивавшимися бумажными рулончиками, но одна из старушек подтвердила: «Я видела, она его ела!» Все засмеялись, и Лея благополучно доехала до своей остановки.

Сегодня до счастливого билета не хватило совсем немного. Для развлечения Лея посчитала, когда он выпадет, и, сунув серую бумажку в кармашек платья, уставилась в окно автобуса. За стеклом проплывали стоящие в ряд дома местных «черемушек», вскоре показался окруженный редкими деревьями Дворец пионеров. Она приходила сюда пару раз в прошлом году, когда объявили о наборе юннатов в зоокружок. Ей понравились разноцветные канарейки и пушистые морские свинки с блестящими глазами-бусинками. Но когда она попросила купить хомячка, мама сморщила нос и предложила взамен завести рыбок. Лея с папой положили на дно трехлитровой стеклянной банки камешки, собранные на Анивском пляже, налили воды из крана и запустили стайку серых гуппи с радужными хвостиками. Через пару месяцев рыбки заболели, перестали есть корм, щедро насыпаемый Леей, и вскоре мутную воду с плавающими кверху брюхом рыбками пришлось вылить.

Слева промелькнул краеведческий музей с загнутыми вверх уголками крыши. Как-то их водили сюда на экскурсию. Дяденька, похожий на капитана Врунгеля из мультика, показал им черепки со стоянок древних айнов и рассказал про редкие растения. Вернувшись из музея, Лея сказала маме, что калужница, которую они собирают каждую весну в лесу возле речки, занесена в Красную книгу, и ее нужно беречь. А мама сказала: «Корейцы всегда ее ели».

Автобус остановился у городского рынка, здесь всегда выходит много народу. Первыми по ступенькам проворно спустились заранее протолкавшиеся к дверям бабульки, за ними вывалились остальные. Полупустой салон быстро заполнился людьми, среди вошедших было много корейцев. Вскоре автобус въехал во Владимировку.

Владимировка – самый старый район Южно-Сахалинска. Он начинается сразу за мостом через речку Сусую и считается в городе корейским. Здесь, на Проточной улице живут дедушка и бабушка Леи, мамыны папа и мама. Забавно, что у ее мамы есть своя мама, и она зовет ее «о-ма».

– Кинотеатр «Спутник», – объявил водитель.

Лея вышла из автобуса, створки с лязганьем закрылись, и старенький ПАЗик уехал, обдав ее на прощание сизым облачком. Напротив остановки на облупленном фасаде кинотеатра висела огромная афиша с двумя смуглыми белозубыми девушками, обмотанными в длинные куски парчовой ткани. Выведенные затейливой вязью буквы на афише гласили: «Зита и Гита».

Повертев головой направо-налево, Лея перебежала дорогу и вошла в хлебный магазинчик. Даже в самый ясный день солнечный свет едва пробивался через пыльные стекла его окон. На деревянных поддонах был выложен свежий хлеб – поджаристые батоны и румяные сайки. За прилавком стояла толстая продавщица, на поясок ее когда-то белого халата бесформенным мякишем наплывали бока.

– Два черного, – Лея протянула шестнадцать копеек и опустила глаза – ей было немного совестно. В школе им рассказывали, что в каждую буханку вложен большой человеческий труд. Сначала рожь выращивают на бескрайних просторах великой советской страны, потом белозубые комбайнеры срезают золотистые колосья на волнующихся ветром полях. Желтое зерно свозят на мельницу и мелют в белую муку, из которой улыбающиеся пекари в высоких колпаках выпекают румяные батоны в жарких печах.

Недавно одного мальчика из их школы исключили из пионеров за то, что он кидался хлебом в столовой. Тогда всех построили на внеочередную линейку, и завуч Клавдия Ильинична, чеканя каждое слово, сказала:

– В блокадном Ленинграде люди готовы были жизнь отдать за кусок хлеба. Выбрасывать хлеб – преступление!

Мальчика вывели из строя, и Лея отвела взгляд, чтобы не видеть, как по его толстым трясущимся щекам расползаются багровые пятна. Он плакал, опустив голову, и стоял так еще долго, уже после того, как с него сняли пионерский галстук и все давным-давно разошлись.

И сейчас ей должно быть стыдно, потому что она покупает хлеб не к столу, а для свиней, живущих в сарае, мимо которого всякий раз она пробегает, сильно зажимая нос и стараясь не дышать. Но без хлеба прийти нельзя. Каждый день бабушка крошит две буханки в ведро с остатками еды и несет его в сарай, где довольно хрюкают бело-розовые поросята с потешными пяточками. Комбикорм купить трудно, да и стоит он дорого.

Продавщица небрежно кидает в кассу монетки, протянутые Леей, и выкладывает на прилавок два коричневых кирпичика с поджаристой до черноты верхней корочкой. Лея складывает хлеб в авоську, быстро выходит из магазина и через пару проулков сворачивает на Проточную улицу. В сухую погоду по улице клубится пыль, в дождливые дни дорога расползается, блестя скользкой грязью.

На ходу отгрызая у буханки хрустящий уголок, Лея идет мимо деревянных одноэтажных домов с развалившимися возле будок собаками, мимо невысоких штакетников, за которыми качаются головки золотых шаров. Изредка какой-нибудь пес подбегает к забору, волоча со звоном железную цепь, и, оглядываясь на вышедшего покурить хозяина, беззлобно лает на прохожих.

Вот и бабушкин дом, и огород за деревянным забором, из-за которого видны крыши теплиц. В одной, побольше, ровными рядами высажена помидорная рассада, во второй посажены огурцы. За теплицами на тщательно прополотых грядках, огороженных старыми деревянными досками, поднимается ранняя зелень.

Лея толкает калитку, бочком проходит мимо спящей собаки, входит в маленький тамбур. На верхней полке блестят начищенные дедушкины штиблеты, на полу стоят несколько пар резиновых сапог и ботинок со стоптанными задниками.

– Харабуди, здравствуйте! – говорит Лея дедушке, сидящему возле печи на низенькой скамеечке. Она мешает русские слова с корейскими и вообще предпочла бы обойтись одними русскими, но к старшим нужно обращаться на их родном языке. Проходит на кухню, сгружает хлеб и оглядывается:

– А где хальмуни?

– Огород ходи, – дедушка замечает обгрызенные уголки буханки, и глаза его смешливо шуряются, превращаясь в узенькие щелочки.

Лея выходит в тамбур, надевает резиновые сапоги и идет в огород. Послеобеденное солнце стоит высоко, двери в нагретых теплицах открыты настежь.

Вот и бабушка, маленькая, в синих шароварах и зеленом стеганом ватнике, с клетчатым шерстяным платком на голове. Она сидит на черной от сырости деревянной табуретке, возле дощатого настила небольшой кучкой свалена редиска.

– Хальмуни, здравствуйте!

Бабушка кивает, улыбается и протягивает Лее молодую редиску. Красная редиска чуть горчит, белая сердцевина сочно хрустит во рту. Бабушка берет очередной зеленый хвостик, очищает от земли, полощет в холодной воде и кладет на настил, чтоб стекла вода. Лея садится рядом на деревянную табуретку, берет катушку с белыми нитками и ножницы. Редиску нужно связать в пучки и крепко обмотать их суровой ниткой. Завтра бабушка пойдет на рынок, встанет в одном ряду с товарками, выложит овощи на прилавок и со слегка виноватой улыбкой будет отвечать на вопрос: «Почем редиска?»

Бабушка плохо говорит по-русски и, называя цену, сильно коверкает слова. Иногда покупательницы недовольно кривят губы, окидывая пренебрежительным взглядом маленькую старушку, иногда сердито переспрашивают: «Сколько? Почему так дорого?»

Но возмущаются редко. Чаще просто молча отдают деньги, некоторые даже говорят «спасибо». Проводив покупателя конфузливой улыбкой, бабушка складывает потертые купюры в глубокий карман фартука и сыпает монетки в старый кошелек с замочком из двух золотистых ободранных шариков. Вечером она достанет кучу разноцветных бумажек, разгладит каждую ладошкой, перетянет стопку черной резинкой и спрячет в потайное место.

Работа спорится быстрее, если делаешь ее не один, и вот вся редиска связана в пучки и уложена на настил. Бабушка, привычно охнув, поднимается, и они с Леей заходят в дом. На кухне тепло. Бабушка водружает на печь кастрюлю, и вскоре суп начинает булькать, наполняя дом пряным густым ароматом.

Лея ставит на стол острую капусту кимчи, отваренный и обжаренный с луком папоротник косари, нашинкованную тонкой соломкой белую редьку в красной перечной заправке, раскладывает попарно деревянные хащи, рядом кладет ложки. Вареный белый рис в небольших пиалах – слева, горячий острый суп в глубоких тарелках – справа.

Дедушка степенно садится за стол.

– Тоже покушай, – говорит он Лее.

– Ага, – отвечает та, пристраиваясь рядом.

Лея вываливает рис в суп и размешивает – так быстрее и вкуснее. Дома она бы непременно достала книжку, но у дедушки и бабушки читать за едой нельзя. Лея быстро расправляется с ужином. Дедушка ест иначе – неторопливо набирает горстку риса, аккуратно опускает ложку в тарелку, наполняя острым супом до краев, и, не спеша, подносит ко рту. Суп в дедушкиной чашке заканчивается, и Лея торопится на кухню – чай следует подать сразу же, как только дедушка отодвинет от себя пустую тарелку.

Пар струится из носика электрического чайника, из картонной пачки с трубящим индийским слоном сыплется с тихим шелестом заварка.

Дедушка закончил есть и, довольно откинувшись, смотрит в окно. Бабушка доедает остатки папоротника, чтобы не ставить почти пустую тарелку в холодильник.

– Харабуди, вот сахар, – Лея расставляет кружки и пододвигает вазочку с белыми кубиками рафинада. Дедушка кладет парочку, размешивает сахар и с громким хлюпаньем делает большой глоток.

Лея надевает фартук, набирает ковш горячей воды из железного бака, греющегося на краю печи, добавляет столько же холодной, намыливает мочалку хозяйственным мылом, моет и два раза споласкивает посуду. Вытирает белым вафельным полотенцем и аккуратно расставляет на полках. Бабушка оглядывает блестящие тарелки и одобрительно кивает головой. С недавних пор она по поводу и без повода стала говорить Лее: «Замуж за русского не ходи! Эй-щ-щ-щ» и притворно замахиваться на нее руками, на что та смущенно фыркает.

Мама наказала принести домой овощей, и Лея, надев резиновые сапоги, идет в огород. Вот салатный лук торчит острыми перьями, вот хрустящая бело-зеленая капуста бэча раскинула толстые листья. Лея, отряхнув землю с корней, заворачивает овощи в старые газеты и складывает их в авоську.

Вечереет.

– Харабуди, до свидания! – говорит Лея.

Дедушка дымит папиросой у печки, кивает ей, бабушка напутствует у порога:

– Чаль-гара-аа.

– До свидания, хальмуни, – отвечает Лея.

Путь домой всегда короче. Лея пробегает по ухабистой дороге, и недолго подождав на остановке, поднимается в полупустой автобус.

Народу немного, можно сесть на свободное сиденье. Мерный ход убаюкивает Лею, и она почти засыпает, когда несильный тычок в бок будит ее:

– Уступи место старшим.

Лея открывает глаза. Перед ней стоит пожилая женщина в цветастом фланелевом халате, в руках тяжелые сумки, слоновьи ноги в войлочных тапочках нетерпеливо переступают с места на место.

Лея подскакивает, а женщина, усаживаясь, бурчит:

– Никакого уважения к старшим. Что за нация такая – корейцы. Рассядутся, как у себя дома, бэгэшки узкоглазые.

Кровь приливает к щекам Леи, она отходит в конец автобуса и оставшуюся дорогу стоит, держась за холодный поручень и изредка меняя руки с красными полосами от врезающихся в ладони плетеных ручек.

Пельмени

– Мам, а что такое бэгэшки? – спрашивает Лея.

Деревянной скалкой она раскатывает бело-серые кусочки теста, похожие на мягкий пластилин. Ловко нажимает ладошками на круглую скалку, чуть наваливаясь на припорошенный мукой кухонный стол, покрытый клеенкой в красно-белую клетку. Тесто должно быть раскатано в одинаковые тонкие круглые лепешки, тогда пельмени будут красивыми.

– Бэ-гэ. Это значит «без гражданства», – поясняет мама. Смоченной в воде чайной ложкой она отделяет маленькие порции мясного фарша, кладет посередине лепешки, защипывает края в непрерывный аккуратный шовчик, уголки соединяет – еще один пельмень готов.

– Без какого гражданства?

– Без советского. Смотри, какой неровный получился.

Лея сминает кривую лепешку в комочек, раскатывает заново.

– Когда-то давным-давно, – начинает мама, словно собирается рассказать сказку, – еще перед войной Сахалин был частью Японии и назывался Карафутто. Сахалин освободили советские войска, японцам разрешили уехать, а корейцев оставили здесь. Только спустя много лет им стали давать советское гражданство, но не все корейцы захотели его принять.

– Почему?

– Надеялись уехать в Корею.

– А почему они не уехали?

– Им не разрешили, границы были закрыты.

– Ну конечно, это же вражеская страна, – понимающе кивает Лея. – И они до сих пор надеются уехать?

Мама вздыхает:

– Да. С самой войны. Погоди, выходит, почти тридцать пять лет прошло?

– Ну это же глупость!

Ловкие руки мамы выкладывают пельмени в ровные ряды, словно выстраивают маленьких солдат на плацу.

– Сейчас еще не так строго. Раньше корейцы без гражданства должны были каждые три месяца отмечаться в милиции. И в другой город нельзя было поехать без специального разрешения. Как-то твоя бабушка – ты ее не помнишь, конечно, – поехала на похороны в соседний поселок. Хоронили односельчанина, кажется, сапожника, и она непременно хотела с ним попрощаться. На остановке в рейсовый автобус вошел милиционер, проверил документы и высадил ее. И бабушка десять километров шла пешком.

– А почему она не взяла разрешение?

– Знакомый умер в субботу. Милиция была закрыта.

Лея хмурит брови, не прерываясь ни на секунду, раскатывает тоненькие кружочки. Мамины руки подхватывают лепешки. Фарш особый – с добавкой острой капусты кимчхи, так пельмени будут вкуснее.

– Мам, но ведь корейцы «бэ-гэ» никогда не попадут в Корею. Это капиталистическая страна, туда нельзя уехать. Почему бы не принять гражданство?

– Наверное, это не очень разумно. Но для них Корея – родина. И они до самой смерти будут надеяться, что когда-нибудь вернуться. Для старых людей это важно.

Лея пожимает плечами. Любуется на поднос с плотно уложенными пельменями и констатирует:

– Он просто неграмотные, эти дедушки и бабушки. Им же и хуже.

Мама ставит на горячую плиту кастрюлю с водой, через пару минут бросает в бурлящую белым ключом воду аккуратные пельмени, помешивает, солит. Достает их шумовкой, выкла-

дывает горкой на бело-синее блюдо. Сверху кладет яично-желтый кусочек мягкого сливочного масла – оно тает, стекая золотистым ручьем.

– Пробуй, доченька. Они не глупые, они просто очень надеются.

Имприсинисты

– Ким, молодец. Полностью раскрыла значение чеховского путешествия на Сахалин, заслуженная пятерка! – Клавдия Ильинична кладет на парту тетрадь, идет по проходу, переступая ногами-бутылками в тупоносых туфлях, похожих на бульдожек.

– Таа-аак, Михайлова... Три с минусом! – тетрадь летит на соседнюю парту. – В материале не разобралась совершенно! – «бульдожки» следуют дальше по проходу.

Вика с облегчением выдыхает, подмигивает Лее и радостно шепчет: «Тройка тоже оценка!» Лея фыркает, но под строгим взглядом обернувшейся учительницы поспешно склоняется над тетрадкой.

Вика Михайлова появилась в классе недавно, и поначалу девочки настороженно приняли новенькую, но та оказалась совсем не задавакой. Она жила в соседней с домом Леи многоэтажке и в первый же день после уроков запросто окликнула ее, быстро приноровилась к шагу и стала рассказывать что-то смешное, словно они знали друг друга с первого класса.

Уроков сегодня было немного. Лея подождала Вику, и они вместе идут домой. Руки оттягивают тяжелые портфели, мешки со сменкой мерно бьют по сползающим гольфам.

– Лей, а ты правда весь «Остров Сахалин» прочитала? Вот сколько ты книг можешь за месяц прочитать?

– Ну, три, может, даже пять.

– Ого, – восхищенно протягивает Вика и вдруг делает легкое па, крутится на одной ноге и замирает длинноногой цаплей.

– Как Плисецкая! – с восторгом глядит на нее Лея.

– Пошли ко мне обедать? – предлагает Вика

Лея задумывается. Мама просила съездить к бабушке во Владимировку, но уроков задали немного, она успеет.

Девочки сворачивают с улицы во двор, входят в подъезд пятиэтажки, поднимаются по лестнице, скользя ладонками по деревянным перилам. Вика снимает с шеи разноцветную тесемку с болтающимся ключом, открывает дверь, обитую потрескавшимся дерматином, и несколько раз щелкает выключателем в темной прихожей.

– Лампочка перегорела! Надо мамке сказать, чтоб поменяла.

Побросав портфели, они идут на тесную кухоньку, где на заляпанной рыжими потеками плите стоит огромная чугунная сковорода.

Вика поднимает тяжелую крышку, радуется:

– Картошечка! Моя самая любимая еда! – включает плиту и, ожесточенно подергав кособокий кухонный ящик, достает нож, режет на клеенке хлеб неровными ломтями и кладет на стол две вилки.

Сковорода фырчит на плите, и Вика, обернув горячую ручку вафельным полотенцем, водружает ее на стол. Солнечно-желтые ломтики картофеля плавают в масле, прозрачный лук почти не виден.

Опустошив половину сковородки, девочки откидываются на спинки стульев.

– Вкусно! У моей мамы так не получается, – признает Лея.

– Дело в сале, – авторитетно объясняет Вика. – Нам бабка присылает с Украины. Мы там жили, пока сюда не приехали.

– Бабка?

– Мамкина мама.

– А, – кивает Лея, – мои дедушка и бабушка живут здесь, на Сахалине. Тоже мамнины родители.

– Мамка специально подальше уехала, чтоб не лезли в ее жизнь. Давай чай пить! – Вика ставит на стол две высокие кружки с надписью «Сочи» и коробку конфет «Птичье молоко». Конфеты с коричневой, белой и желтой начинкой редко появляются на полках магазинов, и за ними сразу выстраиваются длинные очереди.

Вика поясняет:

– Мамку пациент отблагодарил, за то, что уколы ставит небожно, – Вика надкусывает конфету. – Ты какие больше любишь?

– Коричневые!

– А я – белые!

Лея берет конфету, откусывает маленький кусочек и, увидев белую начинку, протягивает Вике. В следующей конфете начинка коричневая, и она смакует сладость, облизывая перепачканные шоколадом губы.

Допив чай, Вика тянет Лею в комнату. Достает пухлую папку, развязывает тесемки, вынимает по одному большие листы, раскладывает на полу. Лея склоняется, разглядывает.

Бригантина качается у берега, паруса цвета спелой земляники трепещутся на ветру, светловолосая синеглазая девочка, похожая на Вику, смотрит вдаль. На капитанском мостике парусника виден неясный силуэт стройного юноши. Белые чайки парят вокруг деревянной мачты с толстыми витыми канатами.

Густая зеленая чаща. Длинные сплетенные лианы обвивают огромные стволы деревьев, на ветке растянулась черная пантера. Малахитово-черные глаза смотрят прямо на Лею, стальные мускулы готовы сорвать дикую кошку в прыжок, в узких зрачках плещется таинственная и немного насмешливая улыбка.

Маковое поле окружено пышными зелеными деревьями. Одинокое белое здание стоит поодаль, на пол-листа раскинулось высокое небо с нарисованными крупными мазками облаками. Женщина в соломенной шляпке с синей лентой на тулье и парусиновым зонтиком в руках спускается с пригорка, рядом идет малыш в бело-голубой матроске. Лица идущих скрыты, но Лея отчего-то знает, что женщина улыбается. Теплый ветер колышет маки, пышная юбка волнуется в такт гибким стеблям, увенчанным красными шапочками с угольно-черной серединкой.

Большой луг с незнакомыми нежно-фиолетовыми цветами. Ровные лиловые ряды простираются до самого горизонта, горы, встающие вдали зазубренной пилой, освещены лучами заходящего солнца.

– Что за цветы?

– Лаванда. Растет во Франции, около Ниццы. Нам в художке рассказывали.

Лея медленно переворачивает последний лист.

Незнакомый город. Ряды светло-песочных домов выстроились вдоль широких тротуаров, вымощенных блестящей серой брусчаткой. Балкончики с коваными черными решетками увиты зеленым плющом. На уличных вывесках иностранные буквы. Ажурная металлическая башня устремлена в небо, прорезая воздух стрелой.

– Красиво! Это где?

– Париж. Там жили художники-импрессионисты. Знаешь, они писали картины мазками, как запятые. Нам в художке рассказывали, что когда Клод Моне написал Лондон, то все начали над ним смеяться, потому что он нарисовал красный туман. Но когда люди вышли на улицу, они увидели, что дома из красного кирпича просвечивают сквозь туман, и он и вправду красно-бордовый. Импрессионисты писали то, что видели, а не то, чему их учили, – серый туман или зеленые деревья!

Лея удивленно смотрит на Вику, на вдохновенно сияющие глаза, на вспыхнувшие ярким румянцем щеки. Художники, картины – слова с другой планеты. Дома у Леи никогда не говорили об искусстве.

– Знаешь, Леечка, мне бы только до восьмого класса дотянуть – и в художественное училище! Только мамка против, говорит, что этим на жизнь не заработаешь и что все художники пьяницы. Эх, мне бы троечку по математике, самую-пресамую сла-а-абенькую.

Последнее слово Вика проблеяла по-овечьи, и они засмеялись.

– Давай домашку вместе делать? – предлагает Лея. – По математике немного задали, мы быстро!

У Вики опускаются уголки губ, лицо становится сонным, глаза тускнеют:

– Я в ней ничего не понимаю.

– Так я объясню! – горячится Лея, – Это совсем нетрудно, вот увидишь!

Вика с неохотой достает учебники и тетрадки, со вздохом раскладывает их на письменном столе, оглядывает книжки:

– Как ты только разбираешься в этой нудятине?

– Я в папу, у нас хорошо с математикой. Он рассказывал, что в старину кто-то из его родичей должен был участвовать в главных состязаниях по математике, типа олимпиады, но заболел и умер.

– На Сахалине?

– В Корее.

– Лей, а твое имя – корейское?

– Нет. У корейцев имена из двух слогов. Вот мою бабушку звали Ок Суль. И она хотела назвать меня по-корейски, но папа сказал, что лучше дать русское имя, а то мне придется каждый раз на почте или в химчистке объяснять, как оно пишется. Вообще с корейскими именами только лишняя путаница. Мой папа по паспорту Нэ Сан, но все его зовут Александром Ивановичем.

– Иванович? Почему?

– Не знаю, самое простое русское отчество.

– А ты, значит, будешь Лея Ивановна?

– Наверное, Лея Александровна.

– И кто назвал тебя Леей?

– Мама где-то нашла это имя. Но бабушка продолжала звать меня Ли Ен.

– И сейчас тоже так зовет?

– Она умерла, когда я была совсем маленькой. Давай больше не отвлекаться?

Лея открывает учебник, пробегает глазами условие задачи, и в голове мгновенно вспыхивает решение. Берет ручку:

– Смотри, чтобы найти неизвестное, нужно подставить множитель сюда и...

Через полчаса, отчаявшись, Лея пододвигает тетрадь и приказывает подруге:

– Просто перепиши.

Вика, тряхнув кудрями, быстро строчит длинные формулы, захлопывает толстый учебник:

– Уфф! Пошли гулять!

На уроке математики Вика, подперев рукой щеку, переписывает задание с доски и таращится на смутно знакомые формулы, когда по стеклу сначала по одной, потом чаще начинают барабанить крупные дождевые капли. За окном качаются мокрые тополиные ветки, идеально вырезанные сердечком листья трепещут на ветру.

Неважно – кем

Неважно – чем

Я просто вернусь на эту землю

иль травой желтеющей

иль сосной зеленой

*иль птицей певчей
иль бабочкой однодневкой
вернусь, чтобы пить
воздух земной
гнутья под ветром
мокнуть под дождем
и вздрагивать от вешнего грома. (*)*

– Михайлова, ау! Опять витаешь в небесах? К доске!

Вика не сразу отводит взгляд от окна, встречается со строгим взглядом математички, нетерпеливо постукивающей ручкой по столу. Поднимается, бредет по проходу. У доски она уныло рассматривает черную гладь с белеющей вязью закорючек и вдруг, стуча осыпающимся белой крошкой мелом, пишет решение. Закончив, отряхивает руки и вопросительно смотрит на учительницу.

Математичка, подняв бровь, оглядывает переминающуюся с ноги на ногу Вику и бодро констатирует:

– Можешь ведь, когда захочешь, Михайлова!

А когда Лея после урока тормозит ее: «Так ты поняла все-таки?», честно отвечает: «Не-а. Просто всплыли перед глазами твои закорючки. Ты же замучила меня с ними вчера!»

– Ты все запомнила?

– Как рисунок. Не зря я в художку хожу! – хохочет Вика.

Лея предлагает:

– Пошли сегодня ко мне домой уроки делать? А потом к тебе, картины смотреть!

Слегка запыхавшись от быстрого подъема, они поднимаются на пятый этаж. Тесемка коротковата, и Лея наклоняется, чтобы вставить ключ в замочную скважину. Она проворачивает его на два оборота и гостеприимно распахивает дверь.

Войдя на кухню, Вика садится на табуретку у маленького стола, оглядывается:

– У вас так чисто!

Лея включает плиту, и вскоре кухня наполняется ароматом жареной острой капусты.

Она накладывает белый рис в чашки, ставит сковородку на железную подставку, достает хащи.

Вика, покрутив их в руках, спрашивает:

– А вилки нет? Я палочками не умею.

Попробовав кусочек кимчи, широко открывает рот, машет ладонью, просит холодной воды. Напившись, отставляет кружку, пробует рис:

– Несолено! А масла нет? – и отодвигает тарелку.

Лея растерянно смотрит на нее, потом открывает морозилку и достает пакет. Пельмени ныряют в кипящую воду и дружно всплывают, толкаясь белыми боками. Посолить, помешать, достать шумовкой, положить кусочек сливочного масла.

Вика осторожно подцепляет один вилкой, кладет в рот.

– Вкусно! Только не такие, как у нас.

– Они с кимчи! – говорит Лея и смеется, глядя на подругу, вновь хватающуюся за кружку с холодной водой.

– А зачем вы ее в пельмени добавляете? Это же русская еда.

Лея пожимает плечами:

– Русская или корейская – какая разница! Вкусно ведь?

Вика согласно кивает головой:

– Очень!

Допив чай из белых кружек, они складывают посуду в раковину. Вика останавливает Лею, надевающую через голову фартук:

– Потом посуду помоешь, до вечера ничего с ней не будет. Пошли картины смотреть!

– А уроки?

– Успеем!

Вечером мама, вернувшись с работы, спросила прибежавшую следом Лею:

– Кто был у нас в гостях? – и пояснила, глядя на удивленное лицо: – В раковине две тарелки, и посуда не помыта.

– Мы с одноклассницей уроки вместе делали. И знаешь, мам, она такие красивые картины рисует, как имприсинисты!

– Импри – кто? А-а-а, твоя подруга – русская!

(*) Стихи Романа Хе.

Цыганка

Она появилась перед Леей внезапно, схватила за руку:

– Девушка, красавица, ай, посеребри ручку! Дай-ка погадаю тебе, да все правду расскажу!

Черная расшитая красными цветами юбка волнуется вокруг босых ног, узорчатая шаль вольно лежит на узких плечах.

Лея вырвала руку, переложив тяжелый портфель, ускорила шаг. Цыганка не отставала, вилась вокруг настырной пчелой, пела медовым голосом:

– Покажи ручку, моя золотая, расскажу тебе, где суженого встретишь да как звать его будут.

Лея замедлила шаг. Про суженого было интересно.

Цыганка подскочила поближе, ухватила руку, развернула ладошку.

– Суженого твоего будут на букву «К» звать. Но, родненькая ты моя, вижу, что предстоят тебе заботы немалые да печаль, да неприятности!

«Контрольная! – пронеслось в голове у Леи. – По алгебре!»

Цыганка, уловив смятение на лице, вскинула тонкую бровь, провела пальцем по ладони, задержалась на стыке прерывистых линий:

– Позолоти ручку, моя хорошая, сниму порчу! Смою, как водой родниковой, будет тебе счастье да любовь, да удача в делах! – ворковала она без умолку.

Словно во сне Лея открыла разбухший от тяжелых учебников портфель, достала из потертого кошелька рубль, выданный утром мамой на школьные обеды.

– Вот.

– Умница ж ты моя, золотая, давай сюда! Ай, я тебе удачу наколдую, а ты сними-ка сережки, умница моя, да сюда, в руку мою положи... Ой!

Вика, держа на отлете набитую книжками сумку, уже примерялась к следующему удару. От пронзительного визга цыганки у Леи зазвенело в ушах: "Ты что ж, паскуда, делаешь! Да я на тебя сейчас порчу наведу, век замуж не выйдешь!"

Вика ахнула, звонко закричала: "Милиция! Милиция! Помогите!"

Крепкий мужчина перебежал дорогу и, грозно двигая лохматыми бровями, схватил цыганку за тонкую руку: «Гражданочка, пройдемте-ка!»

Цыганка проворно отскочила, золотые мониста зазвенели, черные кудри заплясали у лица.

– Ладно, ладно, люди добрые! Я только дорогу спросила, – затараторила она. Развернулась, взметнув пыль пестрыми юбками, и бросилась прочь, только и мелькнули загорелые босые ноги.

Опомнившаяся Лея кинулась за ней:

– Отдайте деньги!

Цыганка, не оглядываясь, крикнула на ходу:

– Нет у меня никаких денег, побойся бога, милая!

Лея в отчаянии смотрела вслед быстро удалявшейся цветастой юбке. Топнула ногой:

– Вот бесстыжая!

Развернулась к Вике:

– Она у меня рубль забрала! Что я маме скажу?

Та пожала плечами:

– Не надо было связываться.

– Вот же гадина! Ненавижу цыган!

Вика поправила светлую челку, взглянула на Лею:

– Цыгане разные бывают.

Лея подняла тяжелый портфель, отряхнула от пыли, отрезала:

– Все они одинаковые – грязные попрошайки! Пошли.

– Как ты можешь так говорить? – Вика вскинула голову, посмотрела на Лею в упор. – Про вас, корейцев, тоже плохо говорят – узкоглазые, пусть едут обратно в Корею... Тебе приятно?

Потрясенная Лея прошептала:

– Узкоглазые? Да как ты можешь...

– А как ты про цыган? Они тоже люди.

– Нет, не люди! Она у меня деньги выманила.

– Не все такие.

– Все! Все! – закричала Лея. – Мерзкие попрошайки! Всех их надо в тюрьму пересажать!

Вика выпрямилась и посмотрела прямо в глаза Леи:

– Мой папа цыган. И бабушка. Их тоже в тюрьму?

Лея оторопело смотрела на нее во все глаза.

– Ты же говорила, у тебя нет папы.

– Дура ты, Лейка... – уходя, обронила через плечо: – Ты мне больше не подруга. А с цыганками на улице не разговаривай, пропадешь.

Вика легко вскинула сумку на плечо и пошла, словно танцуя.

Через неделю Лея вошла в серую пятиэтажку напротив дома, поднялась на последний этаж, постучала в обитую рваным дерматином дверь. Открывшая дверь высокая женщина оглядела Лею и крикнула в глубь квартиры:

– Вичка, это к тебе! Ты Лея? – она приветливо улыбнулась. – Хорошо, что в новой школе у Вики есть подружки. Заходи!

Вика вышла в прихожую, оперлась о дверной проем, кутаясь в цветастую шаль с длинной бахромой.

– Алгебру сделала? – спросила Лея

– Не-а.

– Сейчас покажу, – сказала Лея деловито.

Проходя мимо Вики, тронула шелковистую, расшитую красными цветами ткань: – Красивая какая.

– Бабушкина.

– Старинная?

– Да. И серьги старинные есть. Показать?

– Ага, и на контрольную погадай.

Вика фыркнула, Лея засмеялась следом. Заглянувшая в комнату через полчаса мама Вики изумленно оглядела девочку, яростно отплясывавших перед зеркалом «цыганочку». В ушах Леи звенели золотые ажурные серьги, Вика, обернув вокруг талии узорчатую шаль, скакала по комнате, разухабисто поводя плечами, маленькая грудь тряслась в такт громкой песне – тра-та-тата-там-та! Тра-та-тата-там-та!

Заброшенные учебники скучной стопкой лежали на столе.

Математика

(около 1830 года)

В деревне знали, что стоит Иль Хо оставить одного, то приди ты хоть через час или день, он будет сидеть на том же месте и, не видя белого света, писать и писать длинные строки с закорючками и значками, время от времени вскакивая и делая круг в полном восторге, словно поел сладких плодов ююбы. Увлекательнее любых забав, чудеснее любой игры была для Иль Хо математика. Числа и формулы складывались в его голове в прекраснейшую музыку, безупречная логика вычислений завораживала красотой.

Старики, глядя на большелобого мальчика, переглядывались между собой, изредка поглаживали его по голове скрюченными от тяжелой работы узловатыми пальцами. Дедушка Иль Хо гордился внуком, и всякий раз, когда ездил в город, покупал перья и чернила на деньги, вырученные от посева риса, чтобы любимый внук мог писать иероглифы сколько пожелает.

Часто дедушка, желая дать глазам мальчика отдых, брал его за руку, вел к протекавшей неподалеку маленькой речке. Неторопливо шагая, дедушка рассказывал о пытливом математике и астрономе Чан Ен Силе, создавшем небесный глобус и написавшем трактат о Солнце, Луне и звездах, о познавшем суть времени прославленном Сон Рене, изобретшем столетия назад астрономические часы.

Иль Хо запрокидывал голову к небу, следил за облаками, смотрел на быструю звонкую речку, на маленьких серебристых рыбок, сновавших в прозрачной воде, и представлял математиков седобородыми старцами с линейками и свитками в руках.

Повзрослев, Иль Хо открыл существование еще одной прекраснейшей вещи – улыбки любимой. Родители самой красивой девушки в деревне были рады сватовству высокого стройного юноши, которому прочили большое будущее.

Свадьбу сыграли всей деревней. По старинной традиции жених до седьмого пота сбивал вареный рис в тягучее тесто, чтобы клейкий хлеб – тток – стал молочно-белым. Дедушка, глядя на сильную спину внука, на мерно бухающий молот, дробящий рис в деревянном чане, лишь довольно щурился, слушая веселые подтрунивания соседей.

До утра дудели дудки, залиристо пели рожки, гремели барабаны. Жених и невеста в красных уборах сидели на низких подушках и лишь изредка касались друг друга краями одежды, поднимаясь для глубокого поклона перед очередным гостем.

Через месяц после свадьбы король объявил о проведении ежегодных состязаний. Дедушка сам принес внуку свиток с заданиями, ревностно проследил, чтобы он сначала поужинал и только потом раскрыл его и впился глазами в листы, испещренные значками.

Королевское состязание в точных науках проводилось каждый год. Десятки талантливых мальчиков по всей Корее проходили испытания. Лучшие приглашались в столицу, где определялся победитель, и тогда самый обычный мальчик из дальнего села мог стать учеником самых блестящих ученых мужей. Такими сыновьями гордилась вся деревня.

С детства Иль Хо мечтал принять участие в состязаниях. Он знал, что рожден быть ученым. Но подготовка заняла бы несколько месяцев, а он не мог позволить себе не работать на поле. Теперь же другое дело. Семья жены была зажиточной, и надрываться на поле не было нужды.

Иль Хо знал, что состязания не будут легкими – несколько десятков талантливейших юношей горят мечтой о победе. Но к ней есть только один путь – упорно заниматься, знать больше всех, быть лучшим. Иль Хо начал готовиться.

Он просыпался до рассвета, когда на небе еще виднелись бледные звезды и утренняя заря едва занималась нежно-розовым светом, садился за стол и не вставал, пока молодая луна не начинала светить в окна их маленького дома. Долгие дни и ночи слились для него в беско-

нечную череду формул. Прежде любимая музыка стройной гармонии чисел иногда вдруг превращалась в какофонию, и тогда он разрешал себе поспать подольше, но потом ругал себя за слабость, выходил во двор, выливал на голову ковш холодной воды и спешил за стол. Дедушка запретил жене Иль Хо отвлекать его, и она, тоскуя по нему, молча стояла у печи, изредка роняя слезы в кипящую острую похлебку.

Однажды она проснулась ночью в холодном поту, в страхе вскочила с циновки – напротив нее на четвереньках стоял Иль Хо.

Она в ужасе смотрела на него – всклокоченные волосы, черные немигающие глаза. Муж вытянул шею и залаял.

Она вскрикнула, выбежала на улицу, пронеслась по пыльной дороге, вскочила на крыльцо и забарабанила в дверь. Через минуту сонный дедушка выглянул на улицу. Он удивленно наморщил лоб, увидев молодую женщину, взгляделся в ее искаженное страхом лицо и побежал по пустой улице.

Жена Иль Хо не помнила, как увозили ее мужа, как она кричала и билась, как родители увели ее к себе. Дома мать завернула ее в одеяло и принялась качать, словно маленькую девочку. Потом ее уложили на циновку, и она забылась.

Через неделю ей сказали, что Иль Хо умер. Она упала замертво. Очнувшись от холодной воды, лившейся на лицо. Через несколько дней дедушка Иль Хо пришел в дом родителей, молча взял ее за руку и повел по улице.

На улицах никого не было – стояла странная мертвая тишина, лишь мелькали молчаливые тени за заклеенными бумагой окнами да слышно было, как весело визжат дети у реки.

Они подошли к дому. Нежно-голубые космеи, когда-то любовно высаженные ею у крыльца, совсем поникли без воды, ползучая повилика душила стебли роз, на крыльце лежала оставленная кем-то траурная белая повязка.

Дедушка тихо открыл дверь дома, они вошли. Женщина огляделась. Дом опустел, и даже полки, на которых когда-то были сложены книги, зияли чернотой. Почему-то это поразило ее больше всего.

– Дедушка, а где же учебники? – спросила она.

Он не ответил ей. Шаркая, подошел к печке, и она увидела книги, сваленные грудой около ведра с углем. Дедушка открыл железную дверцу, положил в топку разодранную книгу, чиркнул спичкой и стал смотреть на побежавший по страницам веселый огонек.

– Ты должна жить здесь до первой годовщины смерти Иль Хо. Каждый день ты будешь утром готовить рис и суп и ставить сюда, – дедушка показал на угол, где на низком столе горела свеча и белел листок, на котором иероглифами было выведено имя – Ким Иль Хо.

Она задрожала, а дедушка тихо сказал:

– Дух Иль Хо еще год будет с нами, потом он уйдет в мир мертвых. Таков наш обычай. Ты будешь жить здесь год, потом можешь уйти к родителям. Ты еще выйдешь замуж, ты молодая и красивая. У тебя еще будут дети, – на этом месте голос дедушки вдруг задрожал, но он пересилил слабость.

– Я буду здесь жить одна?

– Ты не одна. Иль Хо будет с тобой. Каждое утро ты будешь готовить ему свежую еду, как полагается жене, и проводить обряд поминовения. Каждую ночь ты будешь ложиться с мыслями о нем, оплакивая его кончину.

Она склонила голову. Дедушка встал, на мгновение положил руку на затылок с аккуратно заплетенными тяжелыми черными косами и вышел. Дверь тихо закрылась, темнота прокралась в дом, и лишь огонек в печи плясал, отбрасывая причудливые тени на стены.

Она подняла одну из книг, провела рукой по страницам. Книги стоили огромных денег в Корее, но теперь они ей не нужны. Только для растопки.

Через год вся деревня пришла на поминки в маленький дом. Старики, скрючив ноги, сидели на полу за длинными столами, женщины сновали из кухни в комнату, вынося многочисленные закуски. Свеча в углу плавилась и дымилась от дуновения сквозняка, влетавшего в беспрестанно открывавшуюся входную дверь.

Дедушка молча выслушивал слова соболезнования, кивал в ответ, следил, чтобы на столе не заканчивалась еда, поворотом головы указывал невестке, куда посадить запоздавшего гостя.

Вечером, когда ушел последний гость, они остались в доме одни. Она домыла посуду, начисто вытерла столы и большие чаны, положила кухонную тряпицу на край, придирчиво оглядела стопки тарелок и вышла в комнату.

Дедушка сидел за пустым столом. Она взглянула на него и остолбенела. Впервые она видела, как он плачет. Она бросилась к дедушке, схватила его за руку, но он отстранился. Открыл глаза, помолчал и ласково сказал:

– Спасибо, дочка. Теперь иди домой к родителям. Иль Хо здесь больше нет. Тебе нечего тут делать.

Она взглянула на него полными слез глазами и попросила:

– Дедушка, позвольте мне остаться еще на одну ночь.

Он удивленно взглянул на нее, покачал головой:

– Ни к чему это. Одной тебе не нужно здесь быть.

Она настаивала:

– Пожалуйста, дедушка!

– Ну, раз тебе хочется, – сказал дедушка. – Давай я растоплю печь, прохладно.

У печи одиноко лежал последний свиток. Он поднял его, дрожащей рукой уложил на решетку, сверху горкой легли дрова и щепки. Чиркнула спичка, и огонек заплескался на их лицах.

– Ложись спать, ночь пройдет быстро, – сказал дедушка.

Она низким поклоном проводила его, тихо закрыла дверь.

Ее мать, всю ночь мучимая дурными предчувствиями, ранним утром иступленно заколотила в дверь. Прибежавший следом сын не дал матери войти в дом, сам вынул сестру из петли и положил холодное тело на пол. В печке еще теплились угольки, догорала бумага, обуглившиеся края тихонько чадили.

На похоронах, глядя на дедушку Иль Хо, который шел за траурной повозкой, рыдая и качаясь из стороны в сторону, люди шептались: «На похоронах внука и слезинки не проронил, а сейчас словно ума лишился».

После тех страшных дней дедушка исчез и объявился в деревне через месяц. Он шел, держась за борт высокой повозки, на которой лежала огромная тесаная мраморная глыба, укрепленная распорками. Повозка кое-как взобралась на гору. У подножья горы звонко журчала говорливая речка, а с вершины, куда ни кинь взгляд, виднелись рисовые поля и окрестные деревушки, разбросанные в низине.

Несколько молодых односельчан с трудом водрузили камень на постамент. Дедушка разматал бечевку, сдернул грубую мешковину, и народ ахнул – с искусно вырезанного барельефа улыбались юные Иль Хо и его жена.

Дедушка постоял рядом с камнем, задумчиво погладил холодную шершавую глыбу, низко поклонился памятнику и ушел в лес. Больше его не видели.

А старинный камень и по сей день стоит в небольшой деревушке в Корее.

Кто-то пустил слух, что если потрогать волшебный камень, то сдашь любой, даже самый трудный экзамен, и со временем его серые грани отполировались до блеска детские ладошки.

Стайками бегут дети мимо волшебного камня в школу, в жаркую погоду они играют у его подножья, укрываясь в громадной тени, их веселые голоса и споры часто звучат рядом. Неустанно журчит река, и тихо шелестят деревья, словно переворачиваются листы книг.

Часть II. КАРАФУТО

Указ

Ок Суль шла вдоль лесного ручья, вслушиваясь в его неумолчное бормотание; влажная земля, рыжая от прошлогодней хвои, слегка пружинила под комусинами. Оставляя легкие, чуть косолапые следы, Ок Суль спустилась к небольшой запруде. Подвернула рукава чогори, склонилась над прохладной гладью и всмотрелась в колышущееся отражение черноглазой молодой женщины с заплетенными и убранными наверх косами. Глаза ее были невеселы. Ок Суль зачерпнула пригоршню холодной воды, умылась. Возле ручья дышалось легко, и она запела едва слышно «а-ри-ран, а-ри-ран...», но осеклась – в этом лесу слова любимой песни звучали чуждо.

Казалось, совсем недавно она любовалась горами, что окружали ее родную деревню в Кёнсан-Пукто, юго-восточной провинции Кореи, выходящей к морю. Весной склоны переливались маслянистым клейким блеском молодой листвы, в жаркие месяцы становились темно-зелеными, осенью превращались в картину, расписанную широкими мазками в багряно-красные и охристо-желтые цвета. Зимой голые ветки деревьев расчерчивали небо, словно иероглифы, выписанные тушью на уроке каллиграфии, рисовые поля чернели, отдыхая.

Времена года сменяли друг друга, и шестнадцатилетняя Ок Суль знала, что нет силы, могущей изменить неуклонный ход природы. Другое дело – людские судьбы.

Отец рассказывал, что когда-то их семья была зажиточной. С утра до вечера он и его братья работали на ухоженном до последнего колоска поле, издавна принадлежавшем семье.

Но времена меняются, новые военачальники собирают армии и завоёвывают земли, великие правители лишаются власти, а человек, как травинка, то гнется под ураганскими ветрами, то распрямляется, покоряясь судьбе, предначертанной свыше.

Япония захватила Корею после русско-японской войны, выторговав право вершить ее судьбу в хитросплетенных переговорах, в коих вовек не разобраться простому человеку. Еще через пять лет, в 1910 году, премьер-министр Кореи Ли Ван Ен подписал Указ, начинавшийся словами: «Его Величество Император Кореи полностью и бессрочно передает Его Величеству Императору Японии все суверенные права на управление Кореей».

Японцы принялись устанавливать свои порядки незамедлительно. Новая власть объявила, что для столь необходимого государственного учета нужен точный «земельный кадастр», для чего крестьяне должны предъявить неведомые никому планы межей и другие бумаги.

Растерянный отец Ок Суль поначалу пытался приводить доводы про старинные обычаи и про то, что никаких свидетельств не нужно, когда есть уговор между соседями о границах, но его никто не хотел и слушать. Заступиться за неграмотных крестьян было некому.

«Когда множатся законы и приказы, растет число воров и разбойников», – говорил Лао-цзы.

Не нужно бряцать оружием, чтобы безнаказанно захватывать земли, разоряя тысячи семей и превращая одну страну в придаток другой. Издавай один декрет за другим, в которых не всякий грамотей разберется, и, прикрываясь заботой о порядке, твори истинное беззаконие.

Не прошло и года, как семья Ок Суль лишилась прав на принадлежащую из поколения в поколения землю. Они превратились в бесправных арендаторов и больше половины урожая должны были отдать новому хозяину, господину Морисита.

Склонив голову, выслушал отец приказ генерал-губернатора. Солдаты с нагайками сопровождали японского землевладельца. Тот оглядел работников, потрогал аккуратные чер-

ные усики рукой в лайковой перчатке и объявил, что отныне рабочий день составляет 14 часов. И что корейские лодыри – это мятежники. И что неповиновение будет караться так же, как и оскорбление достоинства подданного японской Империи, – палочными ударами. От двадцати до ста. Обычно на семидесятом ударе изменники захлебываются собственной кровью. В этом месте господин Морисита улыбнулся и позволил себе немножко пошутить:

– Корейцы держатся дольше, чем собаки, той хватает всего пятнадцати ударов. Это лучше, чем видеть, как твои жена и дети умирают голодной смертью.

Брат Ок Суль поднял глаза на засмеявшегося помещика, но отец сильно дернул его за руку, клоня к земле. Свист нагайки отправил их на поле. С той поры они батрачили от зари до зари. Тяжелый труд – лучшее лекарство от тоски по прежним временам.

Ок Суль родилась в 1923 году, тринадцать лет спустя после подписания бесславного указа. Она с рождения знала, что люди не равны друг другу. Они, корейцы, – люди второго сорта.

Японцы, верные сыны божественной Империи, оказывают им милость, позволяя растить на полях рис и овощи для бесстрашных воинов. Им, корейцам, позволялось оставлять себе пятую часть урожая, чтобы прокормить ораву своих детей и не умереть с голоду лютой зимой. Мешка проса хватало, чтобы протянуть до весны. С наступлением тепла, шатаясь под пьянящим ветром, женщины и дети отправлялись в окрестные леса искать коренья и пробивающиеся из-под земли молодые травы. Благодарение небесам, это было не запрещено.

В шесть лет Ок Суль знала, где растет дикий вьющийся виноград с кислыми ягодами, где можно собрать ароматный лимонник для чая, который любит отец, где под высокими соснами растут грибы, из которых получается вкусная похлебка, если положить в нее сою и побеги дикого лука.

Шумной детской оравой они убегали в лес, держась ближе к друг другу, чтоб случайно выскочившая дикая кошка или хищная лисица не испугала малышей, разжигали костер, запекали сладкую ююбу или толстые стебли лопуха.

Однажды Сан Иль, сын живущего по соседству крестьянина, вымазал сажей лицо и принялся изображать тигра под хохот и визг малышни. Младший брат Ок Суль звонко смеялся, когда его ватная поддевка задымилась от попавшей искры и вдруг занялась сильным огнем. Дети завизжали, Сан Иль бросился к нему, повалил орущего малыша и покатился с ним по земле. Они закашлялись от едкого дыма, брат захлебывался горячими слезами, но опасность миновала. С тех пор сердце тринадцатилетней Ок Суль принадлежало только Сан Илю.

Его семья жила очень бедно, и родители Ок Суль были не очень рады сватовству голоштанного жениха. Но мать резонно заметила отцу, что хотя Сан Иль не старший сын и не унаследует родительский дом, но и долг заботиться о родителях мужа до самой их кончины не ляжет на плечи Ок Суль и ее мужа. А какая мать не хочет облегчить судьбу дочери? Про себя же мать подумала, что ей всегда нравился трудолюбивый и приветливый соседский парень. Это будет хороший брак.

На свадьбу отец выменял несколько мер риса, мать достала из сундука давно приготовленный наряд. Односельчане приносили маленькие подарки – меру проса, пару гын кукурузы.

Братья Ок Суль сколотили длинные столы, но места всем все равно не хватило, и молодежь толпилась у крыльца дома. Во дворе слышался смех, вился дымок самокруток, сновали женщины, уставляя бесчисленными блюдами низкие столы. Услышав голос отца, засмеявшегося чей-то немудрящей шутке, Ок Суль встрепенулась, подняла голову, но тут же низко склонилась перед очередным гостем. Отец редко смеялся, но в день ее свадьбы скупая улыбка ненадолго согнала привычную горечь с его лица, и оно оказалось неожиданно молодым.

В семье мужа ее приняли как дочь. Старший сын уже был женат, и Ок Суль быстро поладила с заносчивой невесткой. Она делала ее работу и свою и не раз благодарила небо за благополучное замужество.

Она никогда не хотела покидать родные края, да разве судьба спрашивает тебя? Как щепочку, бросает в стремительную волну, и барахтаешься ты в бурной воде, швыряемый из стороны в сторону, стараясь выплыть, пока не пристанешь к берегу.

Она хорошо помнит, как в теплый весенний день, через полгода после свадьбы, по деревне протарахтели мотоциклы, за которыми, смеясь, побежали дети.

Японские солдаты согнали жителей на площадь, и господин Морисита, оглядев смиренно стоявшую толпу, объявил, что Империя призывает своих подданных послужить ее величию. Каждая семья по своей воле отправит одного сына на остров Карафуто. Там, в новых владениях Его Величества Императора, они будут работать на лесозаготовках, строить железные дороги и аэродромы и добывать уголь в шахтах. Труд их будет по достоинству оплачен, и, хорошо поработав, каждый сможет обеспечить своей семье приличное существование. Те же неблагодарные, кто не внимлет призыву, будут считаться неблагонадежными. Они и их родные будут внесены в черные списки, и тогда, видит Бог, их участи не позавидует самая что ни на есть жалкая шавка, выпрашивающая объедки с его стола.

На сборы даются целых три дня. Великая японская Империя заботится о ничтожных корейцах, словно о своих детях, иначе, будь на то его воля, – сегодня же погрузил бы всех в теплушки и отправил на новые земли.

Люди потрясенно молчали. Японец взмахом трости нетерпеливо дал понять, что можно расходиться, и со смехом показал на плачущую старушку с трясущейся головой – посмотрите на эту деревенщину! И что за люди они такие – корейцы. Так и не научились с истинным мужеством сносить повороты судьбы, вот уж действительно – второй сорт, недочеловеки. Что ж, на Карафуто их научат работать, и они славно послужат великой стране.

Через пять лет, в августе 45-го, господин Морисита внезапно увидит слепящий свет и в одну секунду превратится в горстку пепла, оставив безутешными горячо любивших его жену и детей. Атомная бомба, сброшенная с американского самолета *Enola Gay*, названного в честь матери командира экипажа, подтвердит, что насилие все еще является излюбленным аргументом в людских спорах. На самые ужасные деяния готов пойти человек, оправдываясь приверженностью великим идеям. Множа зло и стремясь к своей выгоде, он забывает о неизбежном законе кармы, работающем с отсрочкой, но не теряющем своей неотвратимости.

А пока господин Морисита оглядел склонивших головы крестьян и махнул им нетерпеливо: идите же, дурни!

Толпа медленно разошлась, и деревню наполнили крик и плач. Войдя в дома и закрыв двери, матери с воем валились на пол, отцы садились, понуриив плечи. Как выбрать из детей того, кого ты пошлешь на чужбину? Кого из них вписать в вербовочные списки?

Отец Сан Иля добрал до дома, присел на порог. Выкурил самокрутку, не поднимая глаз от земли. Вошел в дом, усадил сыновей за стол и, не отрывая взгляда от стиснутых добела кулаков, глухо сказал, что старший сын должен остаться с родителями, чтобы по старинному обычаю быть им надежной опорой до конца дней. Младшие сыновья слишком малы, не выдержат долгой дороги и тягот переселения. Значит, выходит по всему, поехать должен средний сын. Он ничего не наследует, так что пусть попытает счастья на чужбине.

Сестры Сан Иля испуганно жались к печке, глядя на плачущую мать, старший брат выскочил во двор и с искаженным от ярости лицом принялся иступленно рубить дрова. Впоследствии он станет членом сопротивления и закончит свои дни на стылом полу андонской тюрьмы.

Свекор поднял глаза на побелевшую Ок Суль и сказал негромко: «Иди, дочка, попрощайся с родителями».

Она кинулась из дома, вихрем пронеслась по безлюдной улице, сбросила у входа чипсины, вбежала в просторную кухню, наполненную ароматами перца и соевой пасты. В глазах ее стояли готовые пролиться слезы. Мать, ворочавшая кастрюли на печи, обернулась к ней и, поняв все в мгновение ока, закричала, сползая на пол. Отец бросился ее поднимать, бормоча,

что такова судьба и нужно подчиниться неизбежному. Мать, не слушая, судорожно обнимала Ок Суль, и та, вытирая глаза рукавом, утешала ее, говоря то, во что сама не верила, только бы не видеть кривившийся в беззвучном рыдании рот:

– О-ма, не плачьте. Говорят, там хорошо платят. О-ма, мы вернемся через год.

Отец согласно кивал:

– Надо смириться. Японцы – наши хозяева, им лучше знать, как нам жить. Такая уж видно судьба. Время пролетит быстро. Это не на всю жизнь.

Да, не на всю жизнь. Когда-нибудь она вновь увидит родные горы, знакомые с детства соломенные крыши с торчашими печными трубами, засмотрится на волов, тянущих повозку по зеленым рисовым полям. Когда-нибудь она вновь склонится в низком поклоне перед родителями. При мысли об отце у нее сильно щемит сердце. Никогда не видела она его плачущим, но в тот день его голос дрожал, словно натянутая струна. Быть хорошей женой наказывал он ей, послушной и заботливой. Мать же только иступленно обнимала дочь, глаза ее были сухи. Закрыв за собой дверь родительского дома, Ок Суль услышала сдавленный вопль и короткий вскрик отца.

Ок Суль поднялась и отряхнула травинки с одежды. Не нужно думать о грустном. Плохие мысли, словно несвежая еда, отравляют тело, притягивают несчастья. Сегодня утром странная тошнота подкатила к горлу, и она схватилась за стену, глотая воздух и судорожно дыша. Дурнота отступила, но тоскливое чувство не отпускало целый день. Ок Суль перешла ручей, стараясь не поскользнуться на мокрых камнях, собрала кислицу и щавель, уложила зеленые травы в белую тряпочку и, осторожно ступая, вышла на дорогу.

Шахта

Под утро заметно похолодало. Проснувшийся Сан Иль с головой укрылся старым одеялом, уткнулся носом в ладони, согревая дыханием ледяные пальцы.

Из соседней комнаты донеслось слабое хныканье, тихий успокаивающий шепот и через несколько мгновений – мерное причмокивание.

Сан Иль открыл глаза, сел на край циновки, поводит плечами, взглянул в окно. В небе занималась бледная заря, пропитанный угольной пылью туман серой занавеской преграждал путь солнечным лучам.

Печь, отдавшая ночью весь жар, казалось, источала холод. Сан Иль кочергой выгреб золу, сложил сухую щепу шалашиком, чиркнул спичкой. Огонек занялся, затрещал. Сан Иль подождал, когда пламя разгорится как следует, подбросил пару поленьев, прикурил папиросу и закрыл чугунную дверцу.

Неслышно ступая по земляному полу, на кухню прошла жена.

Не просыпав ни рисинки, Ок Суль насыпала чашку пыльной крупы в чугунок, плеснула сверху ковш ледяной воды и принялась мыть. Три раза она зачерпывала воду из чана и сливала ее, пока та не стала прозрачной. Закрыла крышку и поставила кастрюлю на середину раскаленного черного жерла.

Печка мерно шумела. Благодарение судьбе – на Карафуто у них есть своя крыша над головой. Не всем так повезло, только семейным разрешали селиться отдельно. Многие односельчане, одинокие парни, живут в промозглых бараках, спят по десять человек в крошечных комнатухах, словно в тюремных камерах.

Из-под крышки чугунок полезли мутные пузыри. Жена быстро сдвинула посудину на край и затрясла рукой, дуя на обожженные пальцы.

Из соседней комнаты донеслось сонное хныканье, и Ок Суль, на ходу снимая теплую кофту, ушла. Вернулась, завязывая тесемки чогори, и заправила прядку волос за ухо.

– Замерзли ночью? – спросил Сан Иль.

– Немного. Ничего, скоро согреемся, – сказала жена.

Сан Иль набросил ватник на плечи, вышел, сильно толкнув плечом дверь. Вернулся с двумя ведрами угля, и блестящие черные куски с грохотом посыпались в цинковое корыто. До вечера хватит.

Вскоре на печке забулькала похлебка из корешков травы и соевой пасты. Ок Суль попробовала горячее варево, покачала головой, достала завернутую в белую тряпочку сушеную зелень, добавила несколько веточек в суп и отставила на край печки настояться. Она положила на струганый стол хащи, легким точным движением поправила, чтобы лежали ровно, рядом пристроила начищенную золой алюминиевую ложку. Набрала суп в глубокую тарелку, в чашку помельче выложила пап. Деревянной лопаткой вкруговую выровняла горку из риса и ячменя, чтобы та была красивой, постучала лопаткой о край кастрюли, стряхивая лишние рисинки, и закрыла крышку. На расписную плоскую выложила зеленую кимчи. С плавным наклоном головы пригласила:

– Покушайте.

Сан Иль поворошил кочергой горящие поленья, закрыл чугунную дверцу и поднялся с низкой скамейки. Поджав ноги, сел возле низкого стола и принялся за еду.

Впереди его ждали двенадцать часов работы в шахте.

Уголь на Карафуто залегают неглубоко, после русских осталось несколько заброшенных рудников. Говорят, что на них работали преступники, сосланные на остров русским царем. Давно это было, и теперь лишь черные дыры в горных склонах, похожие на большие норы, да

узкие тропы, по которым когда-то волокли нагруженные углем салазки, напоминают о прежних временах. Наверное, добывали немного.

Японцы взялись за дело по-другому. Они сразу проложили железную дорогу, построили электрическую станцию. Говорят, что двигатель для нее привезли аж из Германии. Вот только добывать уголь нет другого способа, как лезть человеку в глубь земли и долбить киркой угольные пласты.

Каторжная это работа.

Сначала Сан Иль с десятком таких же рабочих ждет вагонетку. Они слышат ее приближение задолго до того, как она, раскачиваясь на поворотах, подъедет к руднику. Тяжело груженная вагонетка еще тормозит на рельсах, когда звучит громкая команда, и Сан Иль бросается наперегонки с другими шахтерами к вагонетке. Он взгромождает грубо окоренное бревно на плечо и, сгибаясь под тяжестью, несет его в штольню. Там он подпирает бревном стену и тотчас со всех ног бросается за следующим. Медлить нельзя. Японцы установили строгий план по выработке и жестоко карают за невыполнение.

Следующее бревно он ставит через два метра. Некоторые рискуют и ставят через три-четыре метра, а то и через пять. Но это опасно – порода может обвалиться, и тогда не миновать увечья, а то и смерти. Сан Иль не рискует, помнит о семье.

После того, как опоры поставлены, Сан Иль берется за кирку и принимается крушить породу. Соленый пот стекает по лицу, недавно появившийся надсадный кашель заставляет его пару раз остановиться и отхаркнуть слюну, но он с сипением вдыхает побольше воздуха всей грудью и вновь машет киркой.

Время от времени мимо проходит мастер, поощрительно осклабившись и кивая головой.

К концу смены спина и плечи наливаются свинцовой тяжестью, но Сан Иль не волочит ноги, идет ровно, не шатаясь, иначе ему сразу найдут замену. Работа шахтера – тяжелый труд, но разве не для этого они и были рождены? Их участь – горбатиться без прорыва до конца своих дней.

В конце месяца счетовод-японец, перебирая тонкими пальцами мятые бумажки и тусклые монетки, выдаст четверть зарплаты, остальное переведут на счет в отделении Почтового банка Тойохары.

Сан Иль числится в лучших работниках, он не жалеет себя, и вскоре на счету накопится приличная сумма. В японском банке деньги в целостности и сохранности, как в самом надежном сейфе, хоть век пройдет – не обманут, получишь заработанное до самой последней монеты.

Сан Иль вычерпал суп до капли, доел кашу до последнего зернышка, отодвинул тарелку. Все-таки на Карафуто платят хорошо, можно заработать целых две иены в день. Дома, в деревне, о таком заработке и мечтать было нельзя. Конечно, работа тяжелая, но он справится, силы есть. И жена – рачительная хозяйка, они почти не голодают.

Ок Суль налила в чашку кипяток, развернула ручкой вправо, чтобы было удобнее брать. Он, хлюпая и громко втягивая воздух, выпил горячую воду и поднялся, чувствуя благодатное тепло в животе.

Провожая его, жена наклонила голову и певуче пожелала:

– Чаль-гатта-осео.

Он коротко ответил: – Иеее.

Вышел на улицу и смешался с толпой.

Ок Суль несколько мгновений смотрела мужу вслед. Холодный сквозняк ледяной змейкой пополз по ногам, и она прикрыла дверь, подошла к печи и погрела руки.

Скоро сын проснется, она посадит его на спину, туго обвяжет широким платком и примется за домашние дела. Днем немного потеплеет, и она отправится за продуктами. По дороге она будет кланяться встречным соседям и знакомым, и сын, с любопытством выглядывая из-за плеча, будет низко кланяться вместе с ней. Так прививается уважение к соседям.

В лавке ей выдадут крупу, которую нужно растянуть на месяц. На рынке она купит немного овощей и крепко посоленной рыбы. Вернувшись домой, заквасит кимчи из редьки и рыбы, приготовит кактуги. После скудного обеда возьмет нитку с иглой и примется чинить старую одежду. На сыне одежда будто горит. Не успевает Ок Суль поставить одну заплатку, как рядом появляется другая прореха. Недавно она удачно выторговала на рынке большой кусок миткаля в обмен на несколько чашек ячменя. Если хорошо постараться, то из него получится выкроить две пары штанов – большие и маленькие.

Целый день она будет хлопотать по дому, а вечером, когда стемнеет, опустит отяжелевшее тело уснувшего сына на циновку, укроет потеплее и сядет перебирать крупу. Она будет отделять мелкие камешки, мусор и пыль от рисовых зерен, поглядывая в окно и настороженно прислушиваясь к каждому звуку.

Иногда приходится ждать подолгу. Как в тот осенний день, когда во время разгрузки вагонетки Сан Иль оступился и упал. Тяжелое бревно покатилося под ноги шедшему следом пареньку, волокущему увесистый кряж на худеньких плечах. Тот по-заячьи вскрикнул и рухнул на землю, когда неумолимая громадина раздавила его пальцы и сбила с ног.

Подошедший надсмотрщик распорядился доставить пострадавшего в лазарет. Сан Иль ввалил тщедушное тело на плечи, чтобы отнести самому, но взмах плетки приказал опустить плачущего парня на землю, и Сан Иль отправился таскать бревна дальше.

Целый месяц после этого муж почти не спал. Поднимался ночью, выходил на улицу, глядел на низкое ночное небо и до рассвета сидел на крыльце, смоля одну за другой самокрутки. Засыпал лишь под утро. Совсем почернел.

В одну из таких ночей она неслышно вышла к нему на крыльцо, накинула ему на плечи одеяло и сказала: «Того парня недавно отправили домой, в Корею». Он вскинул глаза: «Кто сказал?» Ок Суль едва слышно ответила: «Бабка Ен Хай, повитуха. Встретила ее в лазарете, она помогает тамошнему доктору». Сан Иль помолчал, отбросил тлеющий окурочок и зашел в дом.

Не сразу, но со временем сон вернулся к нему. И трава, что бабка Ен Хай сунула в руку, велев заваривать и давать мужу пить каждый вечер, помогла. Ок Суль возблагодарила небеса за благосклонность судьбы. Она знала, что случится с ними, лишись Сан Иль здоровья или что еще хуже – разума. Без кормильца им не выжить. Замерзнут ли они в лютые холода или умрут от голода – никому до этого не будет дела. Мало ли корейцев гибнет на Карафуто каждый день: кто тонет в ледяной до судорог воде, сплавляя бревна по бурной реке, кого заваливает в шахте, и тогда остается уповать лишь на то, что судьба сразу лишила жизни бедолагу, а не обрекла на мучительную смерть от удушья обездвиженного калеку... Она не будет думать об этом. Плохие мысли не всегда сбываются, но всегда отбирают силы.

Недавно японец-надсмотрщик, всегда отмечавший старательного Сан Иля, завел разговор с предложением остаться еще на год после отбытия повинности. Обещал прибавку.

Вечером Сан Иль рассказал ей об этом предложении и, помолчав, добавил, что решил согласиться.

Все-таки на Карафуто платят хорошо. Когда-нибудь они смогут накопить достаточно денег и вернуться в Корею. Хорошо было бы отделиться от родительского дома, а если совсем повезет, отправить сына учиться. Образование – это лучшее, что могут дать родители детям.

Карафуто – благодатная земля. В окрестных лесах много трав и ягод. Ранней весной пробивается из мокрой земли ядреная хрустящая черемша, потом можно будет собирать калужницу, пока она не расцветила желтыми цветочками быстрые ручьи и болотные заводи, став ядовитой. В мае в пищу пойдут побеги папоротника, растущего в сумрачном лесу во влажной тени. Прямые зеленые стебли с похожими на скрюченных зародышей листьями можно отварить и припустить в капельке масла, добавив чесноку и соли.

Вот только сил трава не дает, сын растет плохо. Пожалуй, она сегодня отдаст Нэ Сану свою порцию риса. Она обойдется.

Женщины – они сильные, когда знают, во имя чего.

Ужин

*У мамы моей были
густые смоляные волосы —
до пят!
По утрам
она их старательно
расчесывала белым гребешком,
ярким месяцем
блуждавшим
в волосах, как по небу!
И я не замечал,
как таяла дивная лунная ночь.
Роман Хе*

Утром, уходя на работу, Сан Иль предупредил жену, что вечером придет не один.

Гостя полагается встречать лучшими блюдами, поэтому она решила сварить к ужину суп из свежей камбалы – невиданная роскошь по нынешним временам. Добавила зеленый лук и редьку, полюбовалась на танцующие в кипящем бульоне красные крупинки острого перца.

Пряный аромат смешался с сытным дымком варившегося проса, когда стукнула дверь.

– Входите, входите скорее, – поклонилась она мужу и вошедшему следом пареньку.

– Здравствуйте, – смущенно поприветствовал он ее вежливым поклоном.

Односельчанин. Отец Дюн Хо был учителем, одним из самых уважаемых людей в деревне, его семья жила неподалеку.

Дюн Хо – самый младший из детей. Жизнь его переменялась в один день, когда японское правительство объявило о трудовой повинности. На сборы дали три дня. Стоя в ряду новобранцев, он смотрел невидящим взглядом на колышущиеся от ветра рисовые поля и судорожно вдыхал воздух, наполненный запахами трав и печного дыма. Плачущая мать бежала за нестройной колонной, пока японский надсмотрщик не отогнал ее свистящим взмахом нагайки. Дюн Хо долго оглядывался, вытягивая шею и ища ее глазами, но не увидел распростертое на земле тело, похожее на груды черного тряпья.

Здесь, на Карафуто, он живет бараке в одной комнате с десятком таких же молодых мужчин. Работают по двенадцать часов в день, таская тяжелые бревна и круша киркой уголь. Раз в день получают по чашке жидкой каши, после работы заваливаются на кишачие клопами матрасы. Готовить еду и стирать им некому.

Сан Иль пристроил ватники на вбитые в стену гвозди, шутиливо подтолкнул парнишку в спину, и они вошли в комнату.

Ок Суль заторопилась на кухню. Первым делом сдвинула кастрюлю с супом на середину теплой печи. Из пузатого керамического горшка достала заквашенную кимчи, следом выложила на блюде красивой горкой траву минари, ошпаренную крутым кипятком и приправленную чесноком и луком. Она поставила на поднос тарелки с панчхан, две граненые рюмки и, переваливаясь уточкой, поспешила из кухни.

Посреди комнаты, не шевелясь, стоял Дюн Хо. Вцепившийся в его широкую штанину Нэ Сан шатался на худеньких ножонках и таранился на гостя круглыми черными глазенками. Посмеивающийся Сан Иль хотел было забрать сына, но Дюн Хо быстро подхватил Нэ Сана на руки.

– Я медведица Унне, забер-р-ру тебя к себе! – зарычал он низким голосом, страшно вращая глазами.

Нэ Сан оторопело уставился, раздумывая, заплакать или засмеяться, но все же неуверенно растянул губы в улыбку, сверкнув двумя новенькими молочными зубами.

– Надо же, Нэ Сан не боится вас, – удивилась Ок Суль, расставляя на столе панчхан.

– Нас в семье семеро. Старшие сестры нянчили меня, когда я был маленьким. Я хорошо играю с детьми, – пояснил Дюн Хо и, скользнув взглядом по ее выпирающему животу, скромно отвел глаза.

– Прошу вас, покушайте, – Ок Суль с поклоном пригласила его к столу.

Парень, смущенно потерев руки, присел за низкий стол. Сан Иль потянулся за большой стеклянной бутылкой, и рисовая бражка забулькала, до краев наполняя рюмки.

Ок Суль в нетерпении переминалась с ноги на ногу около печки, ожидая, пока нагреется суп. Она поправила гребешок в волосах, заколола выбившуюся прядку. В этот раз ноги сильно отекают, и нос стал широким, на пол-лица. Встретившаяся недавно на улице бабка Ен Хай с усмешкой сказала: «Смотри-ка, у тебя глаз совсем не видно! Видать, не повезло вам в этот раз – будет девочка».

Суп забулькал. Ок Суль потянула кастрюлю к краю и охнула от резкой боли, полоснувшей живот. Она согнулась, глубоко дыша. Свекровь сказала как-то, что с каждым ребенком здоровья остается все меньше. В этот раз даже стоять тяжело. А мать Дюн Хо была совсем старой, когда его зачала. У нее начал расти живот, она подумала, что на нее напала неведомая болезнь, и побежала к знахарке за снадобьем. Та, поняв, в чем дело, подняла ее на смех, и деревенские кумушки еще долго веселились, рассказывая друг другу про недуг матери Дюн Хо.

Отец Дюн Хо пожимал плечами в ответ на ехидные подтрунивания соседей, но был доволен, когда родился сын. Мать любила последыша без памяти, и, когда японцы объявили о трудовой повинности, у нее затряслись руки и голова, а потом она и вовсе упала замертво прямо на деревенской площади.

Боль отступила, и Ок Суль поторопилась как можно скорее набрать горячую еду в тарелки и расставить перед мужем и гостем.

Мужчины с аппетитом принялись за еду.

Ок Суль налила в миску холодной воды и опустила в нее маленькую железную чашку с супом, чтобы остудить. Чашка закачалась, словно лодка в морских волнах. Сын ерзал на коленях, с готовностью открывая рот навстречу ложке.

Из соседней комнаты ей было хорошо слышен голос Дюн Хо:

– Жду не дождусь конца года. Закончится срок повинности – вернусь домой. Одному здесь очень тяжело, – от тепла, горячей еды и рисовой бражки Дюн Хо, обычно застенчивому и немногословному, сейчас легко давались слова. – Лучше жить в нищете на родине, чем одному на чужбине. Хотя платят тут хорошо. Дом снится каждую ночь, я сильно беспокоюсь о родителях и хочу вернуться поскорее.

Ложка стукнула по дну чашки. Ок Суль спустила Нэ Сана с колен и поспешила в комнату.

Дюн Хо уже расправился с едой. Виновато глянув на пустые тарелки, Ок Суль забрала их со стола незаметным движением и унесла на кухню, чтобы наполнить вновь.

– Дюн Хо, ты на хорошем счету у начальства, – сказал Сан Иль, сажая Нэ Сана на колени. – Закончится срок повинности – и поедешь домой. Да не просто так, а с деньгами. Вот родители обрадуются! Сосватают тебе красивую невесту, а, Дюн Хо? – он толкнул паренька в бок, и Нэ Сан залился смехом, вторя отцу и подпрыгивая на его коленях.

Парень смущенно улыбнулся:

– Есть уже девушка на примете. Очень хорошая.

– Кушайте еще, – Ок Суль пододвинула закуски.

– Дюн Хо, как старший товарищ хочу тебе сказать, – рассудительно забасил муж: – Не пей водку. От нее голова дурной становится. Но страшнее водки – опиум. Он забирает человеческий разум, и тогда в людей вселяются страшные призраки, разъедающие душу.

– Я стараюсь. Но иногда бывает совсем тяжело. Спасибо вам, адюци, побывал у вас – и словно домой ненадолго вернулся.

– Заглядывай почаще! Мы же односельчане, и родителей твоих я хорошо знаю.

Мужчины поднимаются из-за стола.

Ок Суль заворачивает в тряпочку ячменную лепешку и, с поклоном провожая гостя, вкладывает снедь в его заскорузлую руку. Тот недоуменно смотрит на сверток и, не глядя на хозяев, бормочет слова прощания и опрометью выскакивает на улицу, на ходу вытирая рукавом глаза.

Осенний холодок бежит по ногам, но Ок Суль не сразу закрывает дверь и все глядит и глядит вслед убегающей спине, расплывающейся в ее немигающих глазах.

Дорога домой

Тревожным выдалось лето 45-го года на Карафуту. 10 августа губернатор объявил об эвакуации японских подданных с острова, и они в смятении и спешке начали покидать свои дома. Увязывали в тугие узлы самое ценное и спешили в Одомари, куда приплывали корабли, чтобы вывезти как можно скорее верных сынов Императора на родину.

С раннего утра в соседнем доме царила суматоха. Юркой мышкой сновала жена соседа из дома на улицу, вынося и укладывая на подводу то и дело норовящие упасть большие и маленькие баулы. Вышедший из дома сосед оглядел телегу и сильным движением руки сбросил на землю доверху наваленные тюки. Зазвенели разбившиеся чашки, мягко шмякнулось в грязь тряпье. Миоко всплеснула руками, но умолкла под градом гневных ругательств мужа. Через час соседи уехали, усадив в повозку испуганных детей и прихватив лишь два небольших узла. Входную дверь в суматохе оставили распахнутой, и она весь день громко хлопала на ветру.

Днем торопящаяся в лавку Ок Суль невольно замедлила шаг у соседского забора, послушала жалобный скрип петель, постояла в нерешительности и все же зашла во двор к Миоко Мицухиро. Неподалеку от крыльца она нашла валяющуюся доску и надежно подперла дверь.

Бесчисленные подводы, ехавшие по улицам Тойохары, поднимали клубы пыли. Ок Суль быстро дошла до лавки Хасимото, но та была закрыта. Судя по беспорядку и валявшимся повсюду грязным обрывкам бечевки и бумаги, хозяева покинули ее в сильной спешке.

Вечером Ок Суль уложила детей спать пораньше и вновь принялась за домашние хлопоты. Чтобы кастрюли засверкали, нужно взять немного золы и до серебряного блеска тереть закопченные стенки, потом сполоснуть и расставить на кухонной полке. Сияющий посудный ряд ненадолго дарует спокойствие, но, чуть отступив, смятение возвращается, вновь и вновь терзая сжимающееся в страхе сердце.

Закончив, Ок Суль присела у печки и уставилась невидящим взглядом на горячую заслонку, за которой гудело яростное пламя. Сильно хлопнула дверь. Ок Суль поднялась навстречу вбежавшему в дом Сан Илю, и слова замерли у нее на губах. Всегда аккуратно причесанные волосы мужа были спутаны, словно свалывшаяся синяя шерсть, с куртки ручьями стекала вода.

Едва слышно она спросила:

– Что случилось?

Сан Иль прошагал к окну в заляпанных грязью сапогах, оставляя мокрые следы на чисто подметенном полу, вцепился руками в раму, лбом уперся в разошедшееся дерево. Ок Суль подошла, заглянула снизу в лицо мужа.

– Что с вами?

– Император Японии объявил 15 августа о полной капитуляции. Война проиграна.

– Проиграна? – переспросила она, чувствуя, как в животе сворачивается тяжелый ком. – Что же теперь будет?

Муж повозил лбом по разошедшейся деревяшке, повернул голову, взглянул на нее:

– Ханасива, надсмотрщик, сказал, что русские солдаты не щадят никого. Когда советская армия дойдет до Тойохары, нас ждут пытки и смерть. Сказал, что они вырежут детей у нас на глазах, но сначала отрубят им пальцы и выколуют глаза, а жен... – он умолк, не в силах продолжать.

Ок Суль покачнулась, сползла на земляной пол, но тут же вскочила, метнулась к тяжелому сундуку, подаренному на свадьбу, рывком подняла кованую крышку. На пол полетело тонкое одеяло, следом перештопанное по многу раз детские вещи. Выбежала на кухню, вернулась с кастрюлей и парой чашек, трясущимися руками схватила концы одеяла, чтобы завязать узлом крест-накрест. Руки не слушались, и она крикнула:

– Помогите же мне!

Сан Иль стряхнул с себя оцепенение, вышел на улицу. Вскоре вернулся, держа в руках топор. Она застыла, а он тихо сказал:

– В дорогу двинемся утром. Люди говорят, что в порт Одомари один за другим приходят корабли, вывозят японцев домой. Слухи идут, что и нас отправят, но никто не знает когда. Будем ждать. А сейчас ложись. Если придут русские солдаты, я не дам вам мучиться перед смертью.

На циновке завозились сонные дети. Сын перекатился на край и уткнулся головой в подушку, дочка прерывисто вздохнула и вновь мерно засопела.

– Нужно собраться в дорогу, – Ок Суль стиснула зубы, чтобы унять мелкую дробь, и принялась как можно аккуратнее увязывать теплые вещи. Отбросила свадебное чогори, и шелковая ткань с тихим шелестом опала на дно сундука. Вместо ненужной тряпки лучше взять побольше еды – сушеные бобы, соль и ячмень. Горсть белых рисовых зернышек разлетелась по полу, когда она начала пересыпать крупу в холщовый мешок. Ок Суль сильно закусил губу от досады, худые плечи затряслись, и безвольным тюфяком она повалилась на пол. Слезы зацепали глаза и закапали на пол. Так нельзя. Она ожесточенно провела по лицу рукавом и с усилием поднялась. Тише, тише. Как это она забыла про котелок и ложки, глупая.

Утром она разбудит детей, оденет теплее. Долгая дорога покажется короче, если сказать им, что они отправляются на море. По морю плавают корабли. Они сядут на самый большой и поплывут в Корею.

Сколько они прожили на Карафуте? Почти шесть лет. Ни разу она не ела досыта за эти годы, ни одного дня не было легко на сердце. Тягучая тоска по дому саднила, делая боль привычной, родной. На то и рожден человек, чтобы страдать, нести терпеливо свою ношу, не жалуйся и не ропща. Каждому уготована своя участь.

Она редко давала волю слезам – ни к чему расстраивать мужа, надрывающегося на тяжелой работе. Никогда не обижал ее Сан Иль, и она каждое утро благодарил небо за хорошего мужа и старалась быть достойной женой. К его приходу в доме всегда было чисто, на печке булькала горячая похлебка, пусть часто сваренная из пары ложек проса и травы.

Иногда Сан Иль приходил темнее тучи, зло срывал шахтерскую робу, доставал из кухонного шкафа бутылку мутной рисовой бражки и наливал полный стакан. Садился за стол и ел, сгорбив сильные плечи, держа ложку поддрагивающими пальцами с черными каемками под ногтями.

Ни словом, ни взглядом не перечила она ему в такие минуты. Ставила на чистый стол чашку с дымящимся супом, клала до блеска натертую ложку и деревянные хащи. Садилась возле печки, поглядывая, чтобы в нужный момент легко подняться и налить ему горячей воды в чашку.

Поев, Сан Иль клал ложку на стол, глядел на льющийся из чайника кипяток, кивком головы давал понять, что воды достаточно. Иногда, с усилием разомкнув плотно сжатые губы, говорил:

– Досталось сегодня от Ханасивы. Плеткой всю спину исхлестал, пока я волок бревно. Ребята сказали, что он вчера в карты проигрался, от этого, видать, злой, как черт.

Или:

– Помнишь Ман Су с нашей деревни? Такой маленький, улыбочивый.

Она с готовностью вскидывала голову:

– У реки жил? Смеялись над ним, что у него одни сестры. Пять девочек и один сын в семье. Такие круглоглазые, похожие друг на друга, как горошинки?

Сан Иль кивал:

– После смены надсмотрщик отдубасил его палкой за то, что неправильно поклонился, не низко. Ман Су не проявил смирения и благодарности за преподанный урок, стал прикрывать

голову руками. За это попал в такобею. Оттуда живыми не выходят. Заковывают в железные кандалы и отправляют на самые тяжелые работы. Держат впроголодь в холодных норах. Надсмотрщики избивают до полусмерти за любую провинность или просто по прихоти. Страшное место. Люди мрут как мухи.

Ок Суль прижимала руку к губам, опускала голову. Сан Иль садился у печки, курил, смотрел на огонь.

Она убирала тарелки со стола, мыла посуду, шла стелить постель. Ложилась первой, согревая теплом, ждала мужа, чтоб дать ему отдохновение.

Нет такого места на Земле, где бы ни выжил человек, если есть рядом родная душа, если есть, кому терпеливо ждать, внимательно слушать и жалеть всем сердцем.

Через несколько месяцев после приезда на Карафуту она поняла, что беременна.

В положенный срок начались схватки, и, чтобы не потревожить спящего мужа, она закусила зубами край платка и ходила из угла в угол всю долгую ночь.

Утром Сан Иль привел повитуху, и та, убрав со лба Ок Суль слипшиеся от пота волосы и туго обвязав полотенцем лоб, принялась водить ее за руку по комнате, громко прося духов о скорейшем разрешении от бремени.

К обеду повитуха обтерла тряпками орущий скользкий комочек и торжествующе объявила – мальчик!

Дети. Слово слабые тоненькие побеги, появляются они и в богатых, и в бедных семьях, радуя и знаменуя вечное продолжение жизни.

Теплая волна неведомого дотоле чувства захлестывала сердце Ок Суль, когда она смотрела на сына, ползающего по земляному полу. Иногда Сан Иль возвращался с работы пораньше и, смыв жесткой щеткой жирную угольную сажу, подхватывал на руки Нэ Сана, сажал на колени и забавлялся с ним, пока она накрывала на стол. В такие минуты, снуя от печки к столу и краем глаза следя за мужем и сыном, она не уставала благодарить небеса за счастливую судьбу.

Через два года Ок Суль поняла, что снова беременна, и повитуха Ен Хай, оглядев ее и пощупав пульс на тонкой худой руке, сказала, что родится дочь. Муж совсем не расстроился, но Ок Суль все же втихомолку радовалась, что первым родился мальчик, и друзья мужа не подшучивают над ним, как над теми, кому судьба не дарует продолжателя рода.

К чему жить, если не на что надеяться и не о чем мечтать? Она знала, что когда-нибудь они вернуться в Корею, и тогда, как самый драгоценный дар, она преподнесет свекру сына, так похожего на Сан Иля, подведет дочь к свекрови, и та положит загрубевшую ладонь на послушно склоненную маленькую голову с туго заплетенными черными косами.

В самые тяжелые минуты жила в сердце Ок Суль вера, дававшая силы терпеть и не отчаиваться. Вера, что детям уготована лучшая доля. Что будут есть досыта. Что смогут учиться. Что не всегда будут клонить голову перед завоевателями.

Завоеватели. Ок Суль судорожно стиснула руки у горла. Русские солдаты. С каждым днем они все ближе и ближе, и от этого все злее становятся японцы.

Не желая ничего оставить врагу, они жгут торговые и военные склады, выливают керосин в воду, поджигают бараки. А их, корейцев, бросают на Карафуту, словно бездомных собак.

Придут светловолосые солдаты и выместят на них злобу за содеянное японцами, за уничтоженные посева, за сожженные дома. Новые хозяева, чего ждать от них? Говорят, что у русских нет господ и слуг, что они давно свергли своих царей. Но кто знает, как поступят победители с ними, такими бесправными, привыкшими годами терпеть любые унижения?

Ползучей змеей ужас стягивает сердце Ок Суль, и она, опершись спиной о холодную стену и поджав ноги в заштопанных носках, прислушивается к ночной Тойохаре. Вот где-то залаяла собака, и Ок Суль прижимает стиснутые руки к груди.

Ветер перемен задул над Карафуту. Неведомая сила подхватывает их и несет прочь от знакомых берегов, и плывут они, словно вырванные с корнем деревья, кружатся в бурном потоке, полагаясь лишь на случай.

Она смотрит в окно на светлеющее небо. Неужто судьба не сжалится над ними, и ей не доведется никогда увидеть отца и мать, обнять братьев и сестер, вдохнуть всей грудью воздух родины? Отчаяние захлестывает Ок Суль, словно накатившая волна. Она встает на колени и, кланяясь и шепча бессвязные слова, неистово просит небеса лишь об одном – вернуть их домой. Обессилен, ненадолго стихает в дреме.

Первые солнечные лучи пробиваются через дырку в заклеенном бумагой окне, касаются щеки. Ок Суль вскакивает. Скоро в дорогу.

Возвращение

Август – время тайфунов на Карафуту. То и дело небо заволакивают черные тучи, налетают свирепые ветры, хлещет дождь. Пузырящиеся потоки устремляются по улицам Одомари, неся бурлящую воду вперемешку с глиной и землей.

Проходит пара дней, и, словно капризная красавица, сменившая гнев на милость, дальневосточное лето одаривает остров солнечной улыбкой и щебечет птичьими голосами, щедро рассыпая пригоршни пестрых цветов на полях.

Но летом 1945 года в лесах не было слышно птиц. Советская армия перешла в наступление. И днем, и ночью слышался грохот минометов и сухой пулеметный перестук. Взрывы гранат вздымали измученную землю, черный дым пожаров застилал Одомари и ветер разносил гарь по улицам, запруженным телегами и мечущимися людьми.

Особенно людно было в порту, где ни на секунду не затихала беспокойная суетолака.

Накануне вечером подошло японское судно, и с раннего утра возле причала заколыхалась живыми волнами толпа. Напряженные взгляды плотно стоящих людей были устремлены на солдат с ружьями наперевес.

Солнце поднялось в зенит, когда подошедший к борту офицер дал сигнал к началу посадки и громко добавил: «Только японцы!»

Узким ручейком потекли на борт корабля люди. Сгибаясь под тяжестью тюков, первыми шли мужчины, следом, держась с опаской за поручни, поднимались женщины и дети. Японцев, шедших по качающемуся трапу, провожал неясный людской шум.

Солнечные блики танцевали на грязной воде, масляные пятна расплзались разноцветной радугой под кормой.

Офицер быстро просматривал документы:

– Ханасива? Проходите.

– Томура, вам сюда.

– Пак, прочь с дороги! Сказали же, дураку, не лезь!

– Господин Коникава, не мешкайте, поднимайтесь скорее.

Внезапно из толпы вырвалась молоденькая женщина, почти девочка. Она опустилась на колени, и в ее несвязных рыданиях были едва различимы слова: «Господин солдат, прошу вас, ради детей... именем вашей матери...» Ребенок, привязанный платком к ее спине, зашелся в пронзительном крике, из зажмуренных раскосых глаз покатались крохотные слезинки. Плач женщин, словно прорвавшаяся сквозь плотину вода, мгновенно наполнил прибрежный воздух отчаянием и страхом:

– Не оставляйте нас здесь! Русские убьют нас и наших детей! Заберите и нас!

Солдат растерянно уставился на толпу, мальчишеское лицо скривилось в болезненной гримасе, но резкий окрик офицера, словно пощечина, тут же заставил его очнуться. Солдат рывком передернул затвор и выстрелил в воздух. Сухой треск пронесся над толпой, испуганные вопли женщин перешли в вой, и, схватив детей, они ринулись прочь, раззявив рты в надсадных криках.

Ок Суль едва успела подхватить дочь на руки и прижать к себе сына, когда толпа понесла их. Она наступила на край юбки, едва не упала, но удержалась и закричала изо всех сил:

– Нэ Са-ааа-н, держись за маму, сынок, держии-ись!

Людские тела бились о нее, давя и сминая, где-то внизу захлебывался истошным плачем сын. Их протащило несколько метров, когда она, пригибая голову от сыпавшихся со всех сторон ударов, выбралась из людского месива.

Ходивший узнавать последние новости Сан Иль такой ее и нашел – стоящей на коленях и обхватившей детей руками, словно квочка, защищающая своих цыплят от нападения дикого зверя.

Встретившийся Сан Илю земляк рассказал, что вчера на погрузке толпа смела заграждение, и народ повалил на судно. Несколько односельчан смогли прорваться. Молодые и крепкие, они крикнули офицеру что-то по-японски, и тот, махнув рукой, не стал их задерживать.

– Одному легче попасть на пароход, – сказал односельчанин, – но с семьей почти невозможно. Сан Иль, вам нужно вернуться домой. Солдаты говорят, что пока не вывезут всех японцев, корейцам места не будет.

Выслушав рассказ мужа, Ок Суль замотала головой:

– Я никуда не пойду! Запас еды у нас есть. Будем на земле спать, но дождемся! – В ее голосе послышались пронзительные нотки. – Я хочу домой, слышите, домой!

Ми Ен испуганно зашмыгала носом, Нэ Сан отвернулся, поглядывая исподлобья на отца.

Сан Иль сел на землю, достал папиросу. Словно не слыша оглушительно ревушую сирену отходившего корабля, он уставился на гладь моря, на мерно катящиеся одна за другой волны с белыми шапками и на солнечные блики, искрящиеся на воде. Докурив и отбросив тлеющий окурок, он негромко сказал жене:

– От судьбы не уйдешь. Если нам суждено умереть на чужой земле, так оно и будет. Вставай с земли, не то заболеешь.

Ок Суль прижала головы детей к коленям, замотала головой:

– Останемся, прошу вас! Утром придут корабли и заберут нас. Японцы не могут нас бросить!

Сан Иль взглянул на дрожащие губы жены и готовые пролиться из глаз слезы, поднялся, сильным рывком взвалил на плечи тяжелый тюк и пошел прочь, не оглядываясь. Ок Суль схватила детей за руки и, спотыкаясь, засемила за мужем по дороге.

Боо-оммм, бооо-оммм – торжественно загудел колокол и до краев, словно чашу, наполнил торжественным звоном раскинувшийся между сопок Одомари. В расположенном неподалеку синтоистском храме началось молитвенное собрание.

Сан Иль остановился, покачался в такт призывному звучанию и зашагал к храму, возле которого уже стояло немало повозок. Возле поросшей мхом стены он нашел свободный пятючок, бросил тюк на землю, достал топор из-за пояса и ушел. Через час вернулся с большой вязанкой дров.

Смеркалось. Ок Суль поставила на огонь надраенный котелок, и вскоре пляшущие языки пламени покрыли блестящее дно жирной копотью. Рис пополам с просом быстро закипел, из-под крышки полезли большие мутные пузыри. Ок Суль набрала жидкой похлебки в тарелку, с поклоном протянула ее мужу. Поев, он вытянулся на одеяле и мгновенно уснул. Она разделила остаток каши с детьми. Проглотив свои порции, сын и дочь прикорнули рядом с отцом. Августовская ночь выдалась беззвездной, и лишь всполохи артиллерийских снарядов освещали редкие облака.

Ок Суль обтерла пучком травы дно котелка, засунула железную посудину в тюк и пристроилась с краю. Земля холодила спину, трава мягко шелестела на ветру. Ок Суль следила, как мечутся по стенам храма суматошные тени, прислушивалась к тихим разговорам и смятенному шепоту вокруг. Наконец усталость взяла свое, и она смежила тяжелые веки.

Едва забрезжил рассвет, Ок Суль открыла глаза и тихонько освободила затекшую руку. Ми Ен перекатилась на другой бок, по-щенячьи посапывая. Ок Суль приподнялась и едва сдержала удивленный возглас. Рядом с ними не было ни клочка свободной земли. Повсюду, куда ни кинь взгляд, шевелился живой человеческий ковер.

На завтрак поели сухих лепешек, запили водой. Сан Иль увязал в тюк одеяло, и, осторожно обходя лежащих вповалку людей, они зашагали к повозке.

Выйдя на дорогу, Ок Суль ахнула. Все окрестные сопки, крыши домов, всякая маломальская высота была занята людьми, всматривающимися в серые волны, мерно накачивающие из залива. Историки скажут, что в те дни в Одомари скопилось около двадцати тысяч человек.

Вскоре из-за горизонта показался корабль, и толпа ринулась на пирс. Люди смели оцепление, и у шаткого мостка, перекинутого между берегом и бортом, заволновалось яростное людское море. Тюки валялись в воду, матери из последних сил поднимали над головами младенцев, мужчины не жалели кулаков, прорываясь к хлипкому настилу между причалом и судном.

Под надсадный вой сирены матросы ударами батогов отогнали последних смельчаков и откинули узкий трап.

Сан Иль заскрипел зубами в отчаянии и проклял собственную нерасторопность. Ему бы отшвырнуть рядом стоящих людей и силой пробить дорогу, но он лишь бессмысленно суетился в толпе, заслоня телом жену и детей.

Тяжело груженный корабль медленно отчалил от берега. Судно было уже на середине залива, когда море у правого борта внезапно вскипело бурунами, водная толща гневно вздыбилась и обрушилась на палубу, сметая и вышвыривая людей, словно надоедливых муравьев. Первая бомба проделала пробоину в обшивке. Еще удар – и корабль начал тонуть.

Крики ужаса огласили Одомари. Оцепенев, стояли недвижно мужчины, обезумевшие женщины рвали волосы и катались по земле.

До поздней ночи не стихали стоны людей, оплакивавших несчастных, принявших смерть в морской пучине. Суматошно машущие руками черные фигурки несколько часов виднелись на водной глади, но постепенно исчезли, и к ночи на поверхности колыхались лишь изодранные ошметки да прибойной волной долго выносились на берег куски обшивки.

Никого не жалеет злая судьба, по своей прихоти уравнивая перед лицом смерти японцев и корейцев, сперва даруя зыбкую надежду и тут же отнимая ее.

Сан Иль повалил Ок Суль на землю, когда увидел черный дым над кораблем, не дал смотреть, как гибнут люди.

Они еще несколько ночей спали в окрестном лесу на земле, а днем вновь и вновь толкались в плотной толпе у пирса, тоскливо провожая взглядом отходившие суда. В один из дней по Одомари разнеслась новость о том, что в Маоке высадился советский десант, и русские вот-вот войдут в город, а японские корабли навсегда покинут залив Титосе.

Услышав это, Сан Иль зажмурился изо всех сил, и перед глазами в кромешной тьме вспыхнули радужные круги. Он потряс головой, разлепил веки и повернулся к жене.

Взгляд Ок Суль был устремлен вверх его головы, на чернильное небо, где по одной зажигались яркие звезды. У ее ног играли дети. Она стояла, запрокинув голову и подставив лицо теплему августовскому ветру, когда Сан Иль окликнул ее.

Мягким движением Ок Суль подхватила дочь, усадила на спину, накрыла платком и завязала крепкий узел. Ми Ен обхватила тоненькими ручками ее шею, положила голову на плечо и через несколько минут засопела, согретьшись материнским теплом.

Сан Иль взвалил на плечо тюк, сжал ладошку сына в своей руке: «До дома сорок километров. К завтрашнему вечеру дойдем».

Мидзухо

Новые жильцы вселились в дом Мицухиры поздней весной, когда отцвела белая черемуха и дружными полчищами в распадках пошли в рост высокие травы.

Дом простоял всю зиму заброшенным и начал потихоньку ветшать, но сегодня кто-то настезь открыл заколоченные с осени ставни. Дерево на гладко оструганных дощечках рассохлось, там и сям торчали ржавые гвозди, наличники были ободраны, словно какой-то неведомый зверь терзал их острыми когтями.

Ок Суль, возвращаясь из лавки, замедлила шаг, обрадованно улыбнулась – хорошо, что соседский дом не будет больше пустовать: не к добру жить рядом с заброшенным домом.

Вечером у запертой калитки остановилась подвода. Сошедший с нее коренастый мужчина в военной форме сперва внимательно оглядел улицу, потом протянул руки и легко ссадил с высокой телеги молодую рыжеволосую женщину. Она одернула платье, поправила тоненький поясик и поднялась на цыпочки у забора, разглядывая дом.

Мужчина снял с подводы два чемодана, черный футляр, похожий на большую грушу, увесистую стопку книг, перевязанных толстой бечевкой, открыл заскрипевшую калитку и решительно прошел во двор.

Тойохара Ольге не понравилась – пара центральных улиц с двухэтажными каменными домами да узкие улочки, расплзавшиеся от центра ровно расчерченной сеткой. Нищета вокруг, грязь, копоть, сажа. Каторга – одним словом.

Но место службы не выбирают, поэтому она со вздохом принялась обустриваться в доме. Подметая, выбивая коврики, нося ведра с водой, она несколько раз мельком видела за забором щуплую спину соседки. Та с утра до вечера корпела на грядках, двое детей копошились рядом.

Через неделю, когда соседка шла мимо, Ольга окликнула ее через забор и прыснула, увидев, как та испуганно присела.

– Здравствуйте! – Ольга распахнула калитку и вышла на улицу. Ее глаза с головы до ног быстро обежали маленькую черноволосую женщину, отметили потрепанную кофту, старые шаровары из серой мешковины, босые ноги в смешных деревянных шлепанцах. Ок Суль опустила глаза и низко поклонилась.

Ольга обошла ее сбоку и принялась разглядывать Ми Ен, привязанную к спине матери. Малышка открыла сонные глаза, и через секунду испуганный рев огласил улицу. Ок Суль принялась приседать, качая дочку, но она все больше заходила в плаче, видя перед собой незнакомое лицо.

Ольга заискивающе заворковала: «Не плачь, дитятко, не плачь, моя хорошая!» Ми Ен завопила пуще прежнего, и Ок Суль стремглав кинулась к себе во двор. Калитка захлопнулась, а Ольга еще несколько минут стояла на безлюдной улице, растерянно улыбаясь.

Папоротник в этот год пошел в рост раньше обычного, и Ок Суль, оставляя Ми Ен на попечение старшего брата, каждый день ходила в лес, раскинувшийся на близлежащих сопках, и возвращалась с тяжелой котомкой за спиной. Кипятила на печи воду до бурлящего ключа, отваривала ровные хрусткие стебли до мягкости и раскладывала их на солнце, чтобы подсушить.

– Соседи, есть кто дома? – звонкий голос заставил Ок Суль разогнуться.

Она потерла рукой занемевшую поясницу и поднесла ладонь к глазам, загораясь от полуденного солнца. В ногах возилась Ми Ен, ковыряла мокрую землю старой алюминиевой ложкой с погнутой ручкой.

– А, вот вы где! – Ольга открыла калитку и вошла во двор.

Ок Суль поспешила ей навстречу, низко поклонилась.

– Да брось ты кланяться, – отпрянула соседка, – что за привычка у вас такая дурная. В нашей стране господ нет, все равны.

Она присела, заглянула в черные глаза Ми Ен. Та доверчиво протянула ложку, испачканную в земле, и принялась настойчиво лепетать, что-то втолковывая новой знакомой.

– Мамке помогаешь? – засмеялась Ольга, погладила смуглый детский кулачок, выпрямилась и повернулась к Ок Суль: – Возьмите, может, вам пригодится, а мне ни к чему. Лежат без дела.

Поперек тонких пальцев женщины лежали две пары палочек для еды, искусно выточенных из твердого темного дерева, с затейливо выющимся узором в виде крошечных цветов. Покрытые перламутром лепестки отливали жемчужным блеском.

Ок Суль замотала головой, убрала руку за спину. Негоже чужие вещи брать, даже если Миоко Мицухиро никогда не вернется на Карафуту. Пусть лежат там, где их оставила прежняя хозяйка.

Ольга присела рядом с Ми Ен – ее, словно магнитом, тянуло к малышке. Всякий раз завидя девочку, она агукала и напевала, а та принималась повторять за ней певучие звуки, и вдвоем они выводили только им понятную мелодию.

Малышка, увидевшая ее впервые пару недель назад, вытаращила тогда свои черные глазенки на разбросанные по плечам ярко-рыжие локоны, на веселые веснушки на тонком носу, взглянула в зеленые, с охристыми крапинками глаза и зашлась в испуганном крике. Но, попрыгнув, теперь охотно улыбалась новой знакомой.

Поиграв с Ми Ен, Ольга поднялась и собралась было уходить, но, заметив разложенные под навесом побеги папоротника, с любопытством подошла поближе. Взяла коричневый стебелек, поднесла к носу, понюхала.

Ок Суль жестом показала ей на рот. Ольга удивленно спросила:

– Вы это едите?

На следующий день Ок Суль положила в маленькую мисочку обжаренный папоротник и робко постучала в дверь соседнего дома.

Ольга распахнула дверь настежь:

– А, соседка, заходи!

Ок Суль с поклоном протянула тарелку. Ольга настойчиво тянула ее за рукав, и Ок Суль, скинув башмаки, робко переступила через порог. Огляделась. В доме было чисто. Четыре стула с гнутыми спинками окружили высокий стол, на этажерке в углу лежала стопка книг. Через приоткрытую дверь дальней комнаты виднелась кровать на никелированных ножках, застеленная покрывалом с красно-белой вышивкой. Лаковые черные чашки, чинно стоящие на полке, шкатулка с изображением двух цапель да пара скатанных циновок в дальнем углу – вот и все, что осталось от прежних хозяев. «Соседи жили богато, а с собой прихватили лишь пару узлов. Куда же делось все нажитое?» – удивилась Ок Суль.

Ольга вилкой подцепила стебелек, засунула в рот, пожевала.

– На грибы похоже! Язык проглотишь! – и чтоб было понятно, сладко причмокнула. – Вкусно-о-о!

Ок Суль засмеялась, но тут же прикрыла рот и попятилась к выходу, собираясь уходить. Ольга остановила ее, прошла на кухню, из большого кулька достала пару яиц с крапчатой скорлупой, протянула Ок Суль. Та осторожно приняла их, низко поклонилась и ушла.

Вечером Ольга рассказала вернувшемуся со службы мужу о соседке, о папоротнике, и тот, попробовав незнакомое блюдо, подтвердил:

– Точно! На подосиновики похоже. Придумают же! – Николай помолчал. – Оль, ты поаккуратнее с ней. Они при японцах долго жили. Не знаем, чего от них ожидать. Возможны диверсии. Азиаты – народ коварный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.